

НИК.
ГОРЬКАВЫЙ

АСТРОВИТЯНКА

УРАВНЕНИЕ
БУДУЩЕГО

СЕРИЯ КОСМИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Астровитянка

Николай Горькавый
**Астровитянка. Книга
II. Уравнение будущего**

«АСТ»

2007

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Горькавый Н. Н.

Астровитянка. Книга II. Уравнение будущего / Н. Н. Горькавый —
«АСТ», 2007 — (Астровитянка)

ISBN 978-5-17-102584-7

Ее зовут Никки. Она учится в самой престижной школе Солнечной системы. На Луне. У нее есть друзья, деньги и слава. Она умеет сражаться и учиться, хотя зачастую знает предметы лучше, чем ее учителя. Неудивительно, ведь у нее за спиной – самый мощный компьютер Земли. Еще она умеет водить космические яхты и знает тайное уравнение будущего. А еще у нее есть враги. Те, кто когда-то убил ее родителей и очень хочет довести дело до конца...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-102584-7

© Горькавый Н. Н., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

Глава 1. Дуэль	6
Глава 2. Рождество	21
Глава 3. Гибель Робби	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Горькавый

Астровитянка. Книга

II. Уравнение будущего

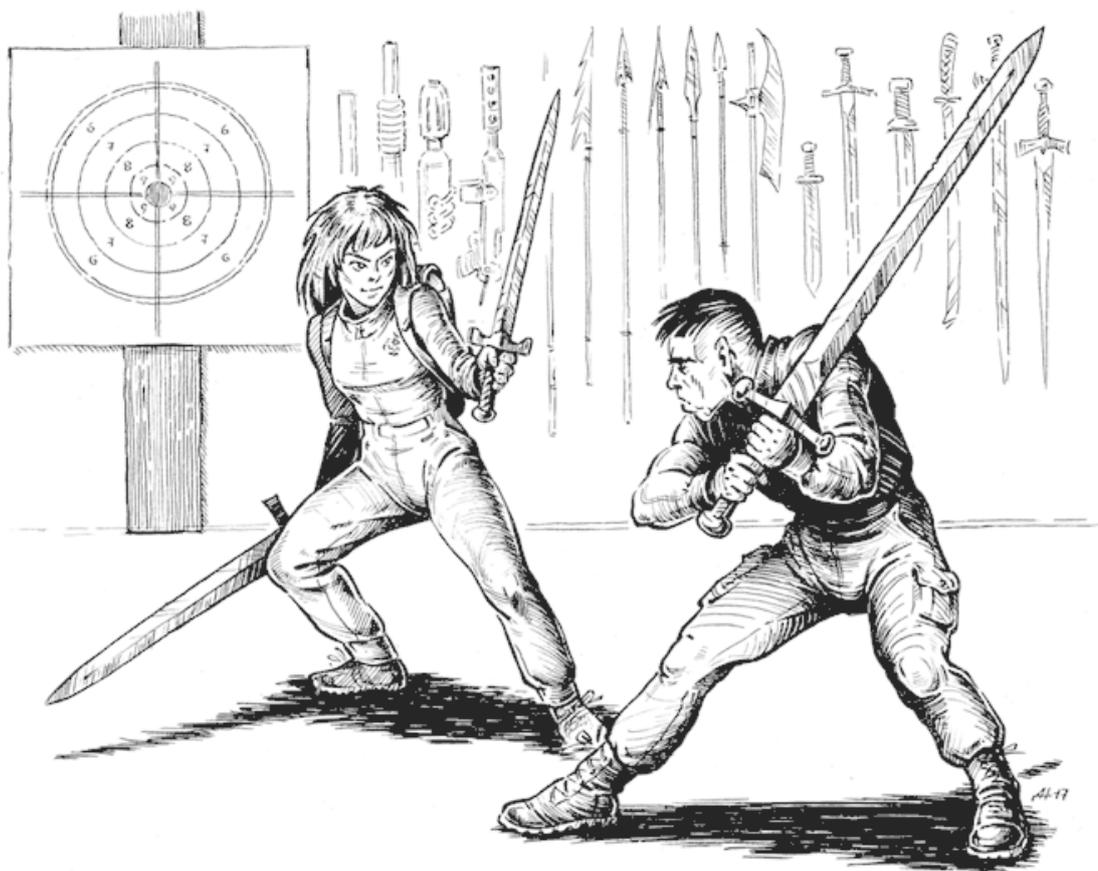
© Ник. Горькавый, текст, ил., 2017

© С. Галай, ил. для обл., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1. Дуэль

Ах, как хорошо бежать по траве! Нога, смеясь, ловит зелёный упругий ковёр пяткой и отталкивает пружиной-носком, хохоча и посылая гибкое поющее тело в прыжок. Крылья не нужны! Птица, посторонись! Чёрно-жёлтый шмель, шарахнись в испуге! – кто это среди вас летит? Ликующий глаз бегло намечает точку следующего шага, нового взлёта, а душа, напротив, полагает, что можно и не приземляться.

О, эти простые великолепные дары природы – ходить, смотреть и слышать! Не помнит о них человек, не ценит, а то и выбрасывает на помойку каким-нибудь варварским способом. Идёт человек вялой походкой, тусклыми глазами смотрит на птиц, кислыми ушами слушает их щебет. Угрюм он и не рад.

Никто, никто так не ценит лёгкость крепких ног и послушность молодых мышц, как человек, прикованный в коляске.

Пусть инвалид воспоёт чудо бега и тела.

Пусть слепой человек выступит в защиту красоты.

Он в чёрных очках – это для нас, ему солнце совсем не мешает. Аккуратно шагает, назойливо стуча металлической палкой по асфальту. Почему не надеть на острый металл мягкую резину? Нельзя, никак нельзя. Резина убьёт звук, а звук – это всё, что осталось у слепого человека, чтобы ощущать мир дальше протянутой руки. Стукнет палка о камень, полетит звук трогать всё вокруг, отражаться от твёрдых вертикалей. Слепой чутко выслушает эхо и узнает – вот стена, а в ней открытая дверь.

Это так полезно в мире тьмы – уметь находить открытые двери! Нельзя резину надевать на металл, нельзя носить кепку с длинным козырьком – запутает прилетающие звуки. Слепой человек видит звуком и эхом – как дельфин, как летучая мышь. Звуки говорят с ним, рисуют мир прозрачными скупыми штрихами.

Для слепого птичья песня – яркий цветок в темноте.

О, если б звуки нанизать на свет. Ах, как поёт невидимый певец.

Как он божественно красив. Не видишь, зрячий? Ты слеп как крот.

Ноги твоей молодости не бегут, смеясь, по траве? Бедняга.

Никки стрелой промчалась через парк, ворвалась в обеденный зал – без коляски, на своих двоих! – и произвела среди студентов сенсацию. Почему-то все воспринимали её как безнадежно больного и не верили в то, что она будет как остальные – ходить, бегать и танцевать. Она добежала до своего стола, сопровождаемая поворачиваемыми головами и нарастающим гулом.

Джерри обрадовался, наверное, больше, чем она сама. И впервые в его голову пришла уверенная, хотя и болезненная для него самого, мысль: «Важнее всего, чтобы она была счастлива – вот как сейчас... даже если рядом буду не я, а кто-то другой...» Её друзья от души аплодировали и поздравляли Никки, а она сияла, не могла усидеть на стуле и ничего не ела от волнения. Как ей надоело быть инвалидом! И – наконец-то – она сможет полететь!

В этот долгожданный день даже Солнце светило сквозь купол стадиона ярче обычного.

Взволнованная Никки надела на плечи крылья и, балансируя ими, подошла к краю стартовой площадки. У ног девочки начинался длинный крутой травянистый спуск к лужайке в центре стадиона.

С этого стометрового обрыва, собственно, и предлагалось новичкам броситься вниз головой. Некоторые, встав на краю этой высоты, так и не смогли преодолеть психологический барьер и прыгнуть в пустоту, доверив свою жизнь хрупким на вид крыльям из пластиковой плёнки, трубочек и тросиков. Они снимали с себя крылья – и больше никогда не пробовали взлететь.

На самом краю площадки тёплый ветерок, дувший вверх по склону, наполнил крылья подъёмной силой, потянул за собой. Тяжесть на плечах Никки ослабла, зато трёхметровые в размахе крылья стали самостоятельно и норовисто рыскать из стороны в сторону, подчиняясь своевольным порывам воздуха.

По инструкции, Никки должна разбежаться вниз по склону, держа крылья под небольшим углом, а потом, набрав скорость, увеличить угол атаки крыла – и взлететь.

Вокруг стояли друзья-Леопарды из секции свободного полёта и подбадривали девочку криками и советами. Волосы Никки развевались, лучи солнца блестели на тугих, звенящих на ветру крыльях, а сердце её колотилось так сильно, как никогда в жизни.

И взволнованная Никки сделала то, что категорически запрещалось: когда очередной порыв подхватил её крылья, она прыгнула в воздух без всякого разбега. Ветерок поднял её метра на три, но без нужной скорости полёта подъёмной силы крыльев оказалось недостаточно, чтобы удержать девочку в воздухе.

Никки стала падать!

В таких случаях новички делают новую ошибку – опасаясь удара, они начинают тормозить ещё больше; полёт переходит в неуклюжее парашютирование, и неудачливые неофиты плюхаются ниже по склону под насмешливые крики наблюдающих школьников.

Никки ждала та же плачевная участь, но она, подчиняясь какому-то инстинкту, не только не стала препятствовать своему падению, но даже наклонила крылья вниз, ускоряя движение к земле. Короткое пикирование – и вот травяной склон совсем рядом.

Однако скорость уже выросла, и гибкие крылья успели наполниться ветром. Никки, плавно увеличив угол атаки, взлетела, лишь задев животом верхушки травинок.

Мелькнули запрокинутые лица друзей, и крылья понесли Никки в простор, пронизанный ветром и солнцем. Зелёный склон внизу сначала быстро скользил назад, а потом мягко провалился – и всё остановилось.

Девочке показалось, что она неподвижно повисла в воздухе и сейчас начнёт падать. Но это была лишь иллюзия большой высоты, знакомая всем пилотам крыльев: ветер в лицо убедительно доказывал, что она не остановилась, а быстро летит вперёд.

Никки сильно качнуло на воздушной волне, её сердце замерло и захлестнулось таким восторгом, который сможет понять только тот, кто парил птицей в синей высоте, в ветре, бьющем в лицо, треплющем волосы и крылья. Никки издала восторженный вопль, а снизу её шумно поддержали.

Центральная лужайка, выбранная для приземления, уже приближалась.

Возле поверхности полагалось максимально сбросить скорость, задав большой угол крылу, и встать на ноги, но Никки – в счастливом волнении от первого полёта – снова пренебрегла всеми наказами.

Наслаждаясь полётом, она планировала над полем до конца – пока воздух окончательно перестал её держать, и Никки мягко опустилась на зелёную лужайку всем телом, где так и замерла с раскинутыми крыльями, уронив голову в траву и блаженно улыбаясь.

После возвращения на стартовую площадку тренер Бенто сделала девочке строгое внушение по поводу неправильного старта.

– На самом деле, – призналась она потом, – это ошибка многих начинающих. Но я впервые вижу, чтобы кто-то из новичков в первом полёте сумел выбраться из зависания. Скольжение, разгон и уход от склона были сделаны отлично, – похвалила она, – но всё-таки в следующий раз используй стандартный вариант старта. Садиться тоже лучше не на живот...

А Никки сказала Джерри, продолжая счастливо улыбаться:

– Джерри, только сейчас я поняла до конца слова Оуэна: «Луну стоило освоить уже только ради того, что человек здесь может быть птицей».

С площадки в это время совершали прыжки другие новички. Главной проблемой для всех оказалось удержание правильного угла крыла – слишком большой угол тормозил разбег, взлёт не удавался, и полёт ограничивался неуклюжим подпрыгиванием.

Один из стартующих, наоборот, задал отрицательный угол атаки, так что крылья по мере разбега стали прижимать его к земле, и в конце концов на всём бегу он упал лицом в склон под сочувственные возгласы болельщиков. Но несколько новичков всё-таки сумели благополучно взлететь.

Джерри тоже здорово волновался перед первым полётом, главным образом из-за того, что не хотел буквально упасть в грязь лицом перед Никки, взлетевшей с одной попытки.

Он не совершил её ошибки и хорошенько разбежался при взлёте. И набрал такую скорость, что, взмахнув крыльями, слишком резко взмыл в воздух, почувствовав себя щенком, которого мощная рука схватила за шкирку и дёрнула вверх.

Ремни врезались в тело, но Джерри поспешно уменьшил угол атаки и плавно заскользил к центру стадиона. Свобода полёта и лёгкость подчинения крыльев поразили его не меньше, чем Никки.

Он даже успел покрутить головой, восхищённо обозревая окрестности с высоты птичьего полёта. При посадке он затормозил слишком рано, завис на высоте примерно метра, спарашютировал и едва устоял на ногах при посадке.

– Очень хорошо для первого прыжка, – похвалила его тренер, когда Джерри вернулся к месту старта, неся на себе распахнутые крылья. – У тебя незаурядные задатки.

Юноша покраснел от удовольствия. Никки уже пришла в себя после первого полёта и, дождавшись очереди, снова встала на краю площадки.

Ветерок наполнил крылья силой, а саму Никки – новой порцией восторга. Она быстро разбежалась и уже через пять шагов взмыла вверх – безукоризненно и легко, как птица.

Джерри взволнованно наблюдал за её полётом. Никки уже не ограничилась полётом по прямой, а сделала плавный круг над стадионом, оглашая воздух радостным смехом и ликующим криком:

– Я лечу! Я лечу!

Когда она аккуратно приземлилась на ноги прямо в центр посадочной площадки, тренер, стоящая рядом с Джерри, облегчённо перевела дух:

– У этой девчонки талант, она рождена для полёта!

И добряку Джерри эти слова в адрес Никки были ещё приятнее, чем похвала ему самому.

На очередном занятии по астрономии профессор Гутт рассказывал о гравитационных линзах Вселенной. Если две галактики лежат на линии зрения, то гравитация ближайшей из них искажает для земного наблюдателя изображение более отдалённой: приближает её или размножает миражами.

За десять минут до окончания лекции профессор сказал:

– Часть сданных рефератов я уже проверил, и у меня есть вопрос к мисс Гринвич по поводу её модели Вселенной с переменной массой. Мне не очень понятно, почему коллапсирующая Вселенная должна обращаться в облако гравитационного излучения. Те, кто ознакомился с этим рефератом в Сети Колледжа, понимают, о чём я говорю, другим же советую прочитать.

Нужно отметить, что профессор Гутт стал относиться к Никки заметно внимательнее, чем раньше, и видно было, что он в самом деле хочет разобраться в её работе.

– Что происходит, сэр, если две чёрные дыры сталкиваются друг с другом? – вместо ответа Никки задала вопрос самому профессору. С некоторых пор она предпочитала шагать по дороге понимания вместе с собеседником, а не тянуть его, упорно сопротивляющегося, за узду.

– Согласно хорошо известному результату общей теории относительности Эйнштейна, – уверенно ответил профессор, – две сталкивающиеся чёрные дыры образуют более массивную чёрную дыру и порождают всплеск гравитационного излучения, уносящего до четверти массы первоначальных чёрных дыр.

– Давайте рассмотрим скопление из восьми чёрных дыр, – предложила Никки, – и пусть они сталкиваются друг с другом попарно: из первоначальных четырёх пар после первого этапа слияния останутся четыре массивные дыры, после второго слияния – две ещё более крупные дыры, а после третьего шага мы получим одну дыру – самую большую.

– И что? – спросил профессор.

– После первого слияния четверть массы начальных дыр переходит в гравитационное излучение, а три четверти массы остаются в виде четырёх чёрных дыр. После второго слияния суммарная масса дыр уменьшится до пятидесяти шести процентов – три четверти от трёх четвертей, а после третьего – до сорока двух процентов. После слияния восьми дыр в одну почти шестьдесят процентов массы первоначальных чёрных дыр превратилось в гравитационное излучение!

– Здорово излагает!.. – воскликнул кто-то из школьников.

Профессор нахмурился, повёл глазами на выкрикнувшего, снова повернулся к Никки и спросил:

– А что дальше?

– Если представить Вселенную из десяти тысяч миллиардов миллиардов чёрных дыр – примерно такое количество обычных звёзд в нынешней Вселенной, – то после семидесяти

трёх попарных слияний останется всего одна, последняя чёрная дыра – огромная, но с массой меньше одной миллиардной доли от первоначальной массы. Всё остальное вещество Вселенной превратится в плотное облако гравитационных волн. Если рассмотреть Последнюю Чёрную Дыру вблизи, то окажется, что ей тоже не избежать испарения.

В аудитории кто-то тихонько присвистнул, а профессор Гутт задумчиво отошёл к кафедре и остановился спиной к студентам. Пауза шепчущегося молчания затянулась до звонка, обрушившего живую лавину с аудиторного амфитеатра. Но даже на громкий топот за спиной профессор не отреагировал, погружённый в заоблачные думы...

Профессор Франклин была биологом и романтиком. Она любила растения, птиц, зверей и даже насекомых так, как матери любят своих детей. Профессор разговаривала с ними, жалела, понимала их стремления и совершенно не обижалась на укусы – даже если приходилось срочно колоть себе противоядие.

На каждый урок она приносила кого-нибудь из своих любимцев: то алую саламандру с набором разнообразнейших талантов («А вы знаете, что у саламандры геном больше, чем у человека?»), то ручную белку, позволяющую рассмотреть себя вблизи и даже погладить, правда, если при этом её будут кормить фисташками или, на худой конец, овсяным печеньем.

Голографическое трёхмерное изображение какого-нибудь удивительного клопа с зубчатым гребнем на спине профессор Франклин увеличивала до размеров слона и с энтузиазмом восхищалась этим существом. Некоторые студенты разделяли эмоции профессора, но большинство старалось поменьше всматриваться в голограмму, надеясь, что эта прелестная букашка не приснится им ночью.

Каждое животное являлось для профессора чудом природы, требующим как научного изучения, так и дружеской заботы.

Сегодня она принесла на аудиторный стол целый набор своих биодрузей: серую с тёмными полосками кошку Мисс Гонагал, которая сразу стала обнюхивать стол; почти невидимую клетку с красивым голдфинчем – золотым зябликом с чёрными пятнами на крыльях; и аквариум, где плавали тропические рыбки-гуппи с разноцветными узорными боками.

– Сегодняшняя лекция посвящена морфогенезу – возникновению у животных различных органов и окраса. Вот перед вами птица, рыба и млекопитающее. Каждое из этих животных начало развитие из одной-единственной клетки, которая превратилась в две идентичные клетки, потом – в четыре и так далее. В процессе деления первых клеток получают клетки, идентичные по генетическому набору, но, что удивительно: из скопления первоначально одинаковых клеток вырастают впоследствии различные органы, например... – профессор постукала по клетке голдфинча, – у птицы возникают голова, крылья, лапы, хвост.

Каждый орган несёт свою нагрузку и снова дифференцируется: клетки птичьей головы изобретательно выстраиваются в сложно организованный мозг, глаза, органы чувств... Рыба создаёт плавники, жабры, мышцы из клеток с одинаковым набором генетической информации.

Как же идентичные клетки становятся хвостом или головой?

Как набор клеток догадывается, что его конечная цель – создание уха или сверхсложного глаза?

Как клетки кошачьей шерсти узнают, что им надо образовать полосатый узор?

Кто срежиссировал или сдирижировал коллективную окраску клеток кожи, шерсти и чешуи, чтобы возникла такая цветовая симфония?

Эту тему биологи называют морфогенез – образование форм.

Профессор насыпала сухой корм в аквариум с рыбками и сказала:

– Биологический организм – весьма реагентная среда. Разная концентрация белков-гормонов в многоклеточной среде диктует клеткам, кому стать головой, кому – ногами.

Известны классические опыты на примитивных животных – гидрах, у которых отрезали «голову», но градиент гормона продолжал дирижировать оставшейся клеточной массой и заставлял гидру вырастить новую «голову». Была ли она умнее предыдущей, пока установить не удалось... – пошутила профессор. – Регенерация целых органов у более сложных организмов редка, но, например, тритон может вырастить новый глаз взамен потерянного.

Профессор погладила Мисс Гонагал по выгнутой спине, а кошка в знак одобрения подняла столбиком своё морфогенетическое образование с волнообразным распределением пигмента, или, попросту, беззаботный полосатый хвост.

– Очень интересен механизм окраски животных. Окраска млекопитающих вызвана всего двумя пигментами-меланинами: эумеланин имеет чёрный или коричневый цвет, феомеланин – жёлтый или красновато-оранжевый. Именно эти два пигмента отвечают за различия в цвете волос, глаз и кожи у людей. Загорая на солнце, мы меняем количество меланина в коже.

– Так, значит, я рыжая из-за этого самого... феямеланина? – спросила весёлая Нинон-Олень, с которой Никки познакомилась в день приезда в Колледж.

– Совершенно верно, – согласилась профессор.

– А почему у Никки волосы прозрачные? – крикнул кто-то.

– Я не думаю, что мы можем обсуждать друг друга на лекции, даже если речь идёт всего лишь о цвете волос, – нахмурилась профессор Франклин.

Модницы Колледжа недоумённо подняли брови: «Всего лишь?!»

– Валяйте, профессор, – свободно сказала Никки. – Мне самой интересно узнать...

– Ну, если мисс Гринвич даёт разрешение... – вздохнула профессор. – Полное отсутствие меланина даёт седые волосы. Но белизна седины определяется рыхлой поверхностью волоса, хорошо рассеивающей свет. А если волосок без меланина имеет плотную и гладкую поверхность, то он будет прозрачным.

– А можно такого добиться... искусственно? – высказал тот же голос заветную мечту многих.

Профессор пожала плечами: «Мне бы ваши заботы!» – и вернулась к лекции:

– Меланины порождают жёлтый цвет шкуры оленя, чёрно-жёлтый окрас леопарда и все остальные цветовые решения внешности млекопитающих. В основе полосатости шкур лежит диффузионная неустойчивость Тьюринга, вызывающая в шкуре животных волны разной концентрации гормонов – катализаторов производства меланинов. Аналогом этой неустойчивости в химии является реакция Белоусова-Жаботинского, о которой вам уже рассказывал профессор Цитцер.

Далее профессор Франклин продемонстрировала впечатляющие математические решения уравнений меланогенеза. На экране появилась модель шкуры животного, и Вольдемар на ходу принялся решать уравнения с различными параметрами. Каждое математическое решение давало новый узор на шкуре.

Простейшее решение соответствовало животному с чёрной передней частью тела и белой задней. Рядом с математической моделью Вольдемар показал реальное фото лохматой собаки бобтейл, имеющей такую же шкуру.

Параметры уравнений менялись, и математическая шкура покрывалась то чёрными крупными узорами, то узкими полосками или мелкими пятнами. И какая бы окраска ни получалась из уравнений, всегда находилось реальное животное, имеющее шкуру, окрашенную именно таким образом: лошадь, зебра, жираф или леопард, чья знакомая физиономия была восторженно встречена школьниками.

– Взаимодействие физической диффузии и химических реакций объясняет целый класс важных феноменов морфогенеза, – подытожила профессор Франклин, – а нестабильность распределения подкожных белков-гормонов рисует узоры на шкуре животных – как на Мисс Гонагал или на тигре, которого я не решилась привести в класс... – улыбнулась профессор. – Тем

же закономерностям следует развитие внутренних органов биосуществ и даже малозаметных прозрачных узоров на стрекозином крылышке...

Вот так теория нелинейных уравнений сумела объяснить целый пласт биологических проблем, за что ей огромное спасибо... – закончила лекцию профессор Франклин и отпустила школьников пообедать или, точнее, ввести немного органических молекулярных реагентов в свои изголодавшиеся организмы, то бишь – в многоклеточные открытые системы.

После обеда началась пара по планетологии. Среди преподавателей Лунного колледжа единственным неприятным для Никки оказался профессор Дермюррей, физик и планетолог. Заносчивый, самодовольный и нетерпимый, профессор не вызывал у неё – да и у большинства остальных учеников – каких-либо симпатий.

С точки зрения Никки, хуже всего было то, что в изложении профессора Дермюррея планетология была не реальной наукой, а сплошной цепью блестящих достижений – в основном, благодаря участию самого профессора.

Проблемы в науке – согласно Дермюррею – практически отсутствовали, что крайне раздражало Никки, полагающей, что именно на нерешённых задачах нужно делать упор в лекциях для студентов. О прошлых успехах науки она могла прочитать и в учебниках, которые традиционно только о них и пишут.

Дермюррей вместе с соавтором из Лондонской Королевской школы написал вполне рутинный учебник по планетологии, пользующийся устойчивым спросом по прозрачной причине: оба профессора навязывали студентам свою книгу в качестве обязательного пособия.

Никки удивляло, что профессор при таком мировоззрении был весьма успешным представителем сообщества учёных – на лекциях он беспрерывно хвастался набором наград, премий и знакомств со всем научным и политическим истеблишментом. Судя по количеству грантов, получаемых профессором из всевозможных фондов, его видение науки как бесконфликтной цепи сенсационных успехов пользовалось полной поддержкой.

«Хорошая теория – это хорошо финансируемая теория!» – говорил профессор.

Правда, по Колледжу ходили слухи, что профессор покинул академические высоты и поселился в Колледже не просто так. Его сотрудник, молодой аспирант из Бразилии, написал столь интересную работу, что профессор решил помочь начинающему учёному её опубликовать и даже не затруднился стать соавтором. Чем выше забирается учёный по должностной лестнице, тем меньше он занимается наукой и пишет статей сам, но тем в большем количестве публикаций он оказывается соавтором.

И надо же было такому случиться, что профессор, перегруженный многочисленными занятиями, при отправке статьи в журнал случайно запомнил вписать в неё имя бразильского соавтора.

Конечно, юный аспирант был сам виноват – исчез где-то в амазонских джунглях так надолго, что его стали забывать в высоких научных кругах. Ладно бы – просто пропал, так потом ещё и объявился как снег на голову!

Пошлые недоброжелатели профессора раздули из обычной забывчивости целое дело. Гордый профессор на них обиделся – и решил посвятить себя воспитанию молодёжи.

Итак, Никки не нравился профессор Дермюррей, и тот взаимно невзлюбил её, считал нахальной выскочкой и никогда не упускал возможности уколоть или «поставить на место». Но профессор, превращая разрешённую в Колледже строгость в грубость, был вполне почтителен с учениками-аристократами, отыгрываясь на остальных школьниках. Безоговорочная поддержка друзей из Совета Попечителей позволила Дермюррею занять должность декана Колледжа – к сожалению большинства учеников.

На лекции, посвящённой образованию Земли и Луны, профессор принялся рассказывать – а Волди показывать на экране, – как выросла наша планета при взаимных столкнове-

ниях железокаменных астероидов. Падения многокилометровых тел разогрели новорождённую планету, как доменную печь, так что камень и железо расплавились и расстались друг с другом: основная масса железа Земли утонула в жидкой магме и образовала плотное земное ядро. Более лёгкие каменные породы всплыли в магматическом океане и застыли земной корой, обеднённой железом и менее плотной, чем ядро планеты.

– Уловили, бестолочи?

Профессор перешёл к Луне и долго живописал, сколько тысячелетий тарасились земляне на Луну и не понимали, откуда в небе взялся сей диск или шар и почему он не падает на Землю.

С механикой непадающих небесных тел разобрался Ньютон, а вот картина образования земного спутника прояснилась лишь после лабораторных исследований четырёхсот килограммов лунного грунта, доставленного на Землю в двадцатом веке шестью прилунившимися американскими экспедициями «Аполлон» и тремя русскими беспилотными роботами. Результаты анализов удивили исследователей: Луна не была расплавлена, а следовательно, лунный камень и железо не могли разделиться; тем не менее лунные породы по плотности и бедности железом оказались близки к земной коре.

Схожесть лунных пород и земной коры породила теорию мегаимпакта, утверждающую, что Луна сформировалась из куска Земли, отрубленного ударом фантастической силы. Рождение Луны, по этой модели, произошло примерно четыре с половиной миллиарда лет назад, когда в юную Землю врезалась ещё одна планета – поменьше самой Земли, но побольше Марса.

– Всем бездарям понятны мои мысли?

Вольдемар запустил компьютерную анимацию с впечатляющими кадрами колоссальной катастрофы, закончившейся разрушением налетевшей планеты и выбросом огромной части земной коры в космос. Почти весь длинный язык выброшенной взрывом массы упал назад на Землю, оставив на орбите лишь небольшое количество вещества. Из него и образовалась Луна с массой в восемьдесят один раз меньше земной.

– Кто ещё не усвоил, бездельники?

В конце лекции профессор бросил в аудиторию надменное:

– Теория мегаимпакта – всеми признанное наивысшее достижение современной планетологии, проверенное моделированием на суперкомпьютерах и многочисленными химическими анализами!

Впрочем, профессор Дермюррей не упомянул ещё одну причину популярности теории мегаимпакта: подобные эффектные модели радушно принимались публикой, воспитанной на голливудских фильмах ужасов и катастроф.

– Как же я был поражён, – продолжал профессор, – когда мисс Гринвич посмела публично назвать лунных теоретиков идиотами! Какая наглость и самонадеянность! Мисс Гринвич, вы убедились наконец, что теория мегаимпакта – единственно верная теория образования Луны?

– Нет, сэ, – сказала спокойно Никки.

Профессор побагровел и пролаял:

– Ах, вот как! Тогда я даю лично вам домашнее задание. Подготовить реферат на тему образования Луны с изложением правильной модели – общепринятой теории мегаимпакта. И с признанием неверности ваших взглядов! Вы помните, что ваш безграмотный ответ на вступительных испытаниях признан экзаменатором неправильным? Детальнейшим образом объясните, где вы ошибались!

– Отличная идея! – крикнул кто-то из дитбитовцев. – Самокритику читать очень приятно и полезно – особенно чужую!

Профессор благосклонно посмотрел на крикнувшего. Никки встревоженно заёрзала.

– Сэр, я никак не смогу этого сделать! Я считаю, что мой ответ был правилен.

– Тогда распрощайтесь с положительной оценкой за мой курс!

Никки взяла себя в руки – надо было как-то спастись.

– Прежде чем приступить к реферату, могу я задать несколько вопросов, сэр?

– Задавайте, – гордо сказал профессор. – Я готов ещё раз объяснить вам то, чего вы не поняли с первого раза из-за своей слабой подготовки.

– В начале лекции вы отметили, что количество астероидов возле растущей Земли было обратно пропорционально их размерам – чем меньше радиус тел, тем их больше.

– Верно, – снисходительно согласился профессор.

– Тогда с Землёй должна была столкнуться не только одна планета величиной с Марс, но и несколько планет размером с Луну, а также десятки планетоидов диаметром в тысячу километров, десятки тысяч астероидов в сто километров и десятки миллионов десятикилометровых тел. Такие удары должны расплёскивать с поверхности Земли огромные массы вещества! Астероида-десятикилометровика, упавшего в Центральной Америке шестьдесят пять миллионов лет назад, оказалось достаточно, чтобы динозавры и большинство обитателей Земли вымерли от запылённости атмосферы и наступившего холода.

– Это общеизвестно, – хмыкнул профессор, – но если вы захотите слепить Луну из вещества, выброшенного меньшими телами-ударниками, то у вас ничего не получится. Согласно законам небесной механики, все обломки, выбитые ударом с планетной поверхности, или улетают на орбиты вокруг Солнца, или остаются на эллиптической периодической орбите вокруг планеты, но тогда они неизбежно через один оборот вернуться в точку старта и врежутся в Землю. Нужен о-очень большой удар, чтобы хотя бы ма-аленькая часть вещества уцелела на околоземной орбите.

– Почему же тогда ракеты легко выходят на орбиту? – неожиданно встрял с вопросом взъерошенный мальчик-Олень.

– У них есть долгорботающий двигатель! – презрительно бросил в ответ Дермюррей и снова повернулся к Никки.

Та спросила:

– А что вы скажете, сэр, про облако из мелких спутников, вернее, из захваченных астероидов, которые кружатся вокруг каждой планеты-гиганта – Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, а раньше, в эпоху обилия астероидов, очевидно, существовали и вокруг Земли?

– Ха! Сейчас вы захотите создать Луну из такого чахлого облака? – Профессор саркастически засмеялся. – У вас не хватит вещества даже на спутник в сто раз меньший, чем Луна! Видно, что вы цепляетесь за каждую соломинку, не желая признавать свою неправоту и безграмотность в азах серьёзной науки.

– Я, безусловно, не очень сведущий в науке человек, – покладисто согласилась Никки, – и хочу спросить у вас, сэр, как у эксперта: рассматривалось ли взаимодействие материи, выброшенной миллионами астероидов с поверхности Земли, с уже существующим разреженным спутниковым облаком? Каждый из этих двух механизмов не может образовать Луну, но если рассмотреть их вместе, то ситуация может измениться!

– Умные люди не тратят время на высосанные из пальца задачи, – пожал плечами профессор. – Дурацких вопросов больше, чем мудрецов...

– Вольдемар, вы нам не поможете? – обратилась в пространство Никки.

– За последние пять секунд я рассчитал двести вероятных моделей такого взаимодействия, – раздался голос компьютера Колледжа. – Показываю результаты.

На экране аудитории появилась Земля, окружённая кольцевыми траекториями мелких спутников. На поверхность планеты обрушивались тысячеклометровые астероиды, вызывающие взрывы, по сравнению с которыми воинские арсеналы человечества выглядели детскими хлопучками. Удары астероидов выбрасывали в космос обломки земной коры и разбрызгивали огненную мантию.

– Не столкнувшись с телами на околоземных орбитах, частицы коры улетают к Солнцу или падают на Землю, – пояснял Вольдемар. – Но взаимодействие даже с небольшими спутниками кардинально меняет динамику выброшенного вещества. Обломки, двигающиеся в том же направлении, что и орбитальные спутники, при соударении меняют свою траекторию и уже не падают на Землю, а присоединяются к спутниковому облаку, быстро увеличивая его массу.

Никки улыбнулась и уселась поудобнее.

– Согласно моим расчётам, этот механизм достаточен для образования Луны того же химического состава, что и кора Земли. Новый механизм предпочтительнее теории мегаимпакта, которая не может объяснить возраст и состав многих лунных пород и доминирование больших кратеров-морей на стороне Луны, повёрнутой к Земле. Кроме того, теория мегаимпакта предсказывает расплавление Земли и Луны в момент удара, но геохимики не находят признаков такого плавления.

Этого Никки не знала и обрадовалась хорошей новости.

– В новой модели старые проблемы теории мегаимпакта находят объяснение. Из моделирования следует, что Земля обладала несколькими спутниками, включая самую крупную и близкую Луну. Позже приливы отодвинули Луну, и она поглотила мелкие и более дальние спутники. Это вызвало феномен тяжёлой бомбардировки Луны около четырёх миллиардов лет назад, до сих пор оставшийся необъяснённым...

Профессор Дермюррей слушал увлечёвшегося Вольдемара, и его лицо быстро наливалось кровью.

Затем Волди посмел сказать, что ответ Никки Гринвич про образование Луны на вступительных экзаменах не засчитан им, Вольдемаром, неправильно и он две секунды назад обратился с ходатайством к администрации школы об увеличении экзаменационной оценки мисс Гринвич на двести баллов.

Профессор побагровел до сизого оттенка.

Когда же умный, но наивный Вольдемар порекомендовал профессору Дермюррею рассмотреть вопрос о публикации модели образования Луны, предложенной мисс Гринвич... тут профессор не выдержал и закричал на Вольдемара совершенно несолидным образом.

Вольдемар пытался воззвать к логике, но он, со своими электронными нервами, не мог понять несокрушимую силу такой человеческой эмоции, как уязвлённое самолюбие!

Прозвенел звонок, и студенты потянулись на выход, а разъярённый профессор всё продолжал орать на несчастного Волди... Никки даже пожалела бедный компьютер, и ещё она немного опасалась за здоровье апоплексически краснолицего профессора Дермюррея.

Зато он начисто забыл про злополучный реферат.

Последней парой шли спортивные упражнения, что вполне можно было рассматривать как начало отдыха. В приподнятом настроении от этой мысли Никки быстро зашагала по длинному коридору, привычно отстраняясь от летающих и бегающих киберов, которые успевали оглядываться и провожать её внимательными взглядами. Но даже в пустынных закоулках этажей чувство одиночества ни у кого не возникало – в Школе Эйнштейна слишком многое было себе на уме. В первую очередь – сама Школа.

Потолок колледжского кафе был мечтателем и эстетом. Он любил показывать уходящие ввысь темнорёбрые арки старинных соборов или яркие фрески и мозаики известных музеев. Из зданий потолок предпочитал миланский Домский собор. Когда же потолок хандрил, то мучил всех мрачными сталактитовыми пещерами с гадостными нетопырями.

По утрам потолок обычно отражал земное небо над Эдинбургом. Трансляция английского неба помогала школьникам следовать привычному земному ритму дня и ночи, подчинённому на Луне гринвичскому времени.

Почему романтический потолок выбирал Эдинбург? Верно, был наслышан, что именно в Шотландии располагаются самые волшебные школы. Кроме того, Северная Англия имела самую разнообразную погоду и доставляла максимум впечатлений завтракающим школьникам. Действительно, шотландская погода менялась на глазах – морозящие дождевые облака сменялись ярким солнцем, которое через несколько минут затягивалось сизыми тучами с шлейфами мокрых снежных хлопьев.

Впрочем, мрачную погоду потолок не любил и в таких случаях быстро сползал по Гринвичскому меридиану к Канарским островам, где резвились весёлые стада белых облаков. А то – застывал жарким марокканским светло-голубым небом.

Полы и стены холлов Колледжа сливались с экранами и могли представить любые трёхмерные сцены и космические пейзажи.

Даже коридоры Школы отличались фантазиями и шалостями: могли прикинуться зарослями колючек, или опасным болотом с зелёной ряской, или красноватой марсианской пустыней с такими реалистичными камнями, что неопытный школьник в испуге шараялся, опасаясь о них споткнуться. В конце концов, нанокиберам устроить такие штуки с помощью лазерной голографии – пара пустяков, зато сколько удовольствия детям!

Обычных кошек или собак в комнатах Колледжа держать запрещалось – звери жили лишь в лесу и в мини-зоопарке у профессора Франклин.

Зато по Колледжу бродили толпы хитроглазых киберживотных. Слабая лунная гравитация позволила размножиться разнообразнейшим летающим роботварям. Опираясь на плавающие пузыри, жужжа винтами, хлопая крыльями и посвистывая дюзами, они стаями сновали по коридорам и залам – всех сортов и размеров, от бесшумных дирижаблей до стремительных реактивных мини-драконов.

Киберзвери служили персональными компьютерами, почтальонами, представителями хозяев на различных зрелищах, иногда даже на лекциях, хотя это не приветствовалось администрацией Школы.

В последние годы роботы-птицы держали первенство в классе персональных зверей, и часто на плече школьника, спешащего на лекцию, сидел гордый ястреб с жёлтыми глазами или дятел, весьма натурально чистящий пёрышки длинным клювом. Ну а школьники Ордена Совы почти поголовно ходили при разного окраса робосовах с круглыми жёлтыми глазами и кривыми клювами.

Антишпионской Конвенцией ООН запрещалось бесконтрольное использование роботов мельче мухи, а также роботов, не видимых человеческому глазу. Но робопчёлы и малозаметные кибербогомолы активно применялись излишне любопытными школьниками в целях сбора информации. Это вызвало распространение электронных контрразведчиков, обнаруживающих и уничтожающих мини-шпионов.

Обширный отряд персональных киберов составляли домашние робоживотные в виде собак, кошек, сусликов, черепах, жаб, змей – кого только тут не было, включая самых фантастических существ, в том числе зелёного джедая Йоду.

Практичнее и популярнее всех были собакоразмерные роботы-кентавры, которые с хозяйским имуществом на спине катались на ногах-колёсиках и быстро карабкались за владельцами по лестницам. Крупный робот Дзинтары не только охранял принцессу, но и таскал с собой старинную гитару – чтобы госпожа всегда имела под рукой любимый музыкальный инструмент.

Когда хозяева обедали, механические собаки, совы и игуаны тоже терпеливо приставались возле электрических розеток и подзаправлялись, не сводя внимательных сенсоров с любимых хозяев.

Сенсоры – то есть глаза и уши роботов – варьировались чрезвычайно, следуя технологии и моде. Электронно-механические друзья человека ошупывали дорогу перед собой лазерными

лучами, ультразвуковыми импульсами и чувствительными усами, распознавали препятствия и лицо хозяина по инфракрасным изображениям или стереоскопическим фото с двух видеокамерных глаз.

Последним писком считались роботы с сенсорами на слабых магнитных полях с характерными усами антенн на морде.

Роботы покупались школьниками в готовом виде, заказывались у изготовителей с учётом особых пожеланий или собирались самостоятельно с помощью многочисленных кибернаборов и робоконструкторов.

У Джерри персональный робот погиб вместе с обсерваторией, и пока он пользовался обычным лэптопом.

У Никки был только Робби, но она даже не могла подумать, чтобы искать кого-то ещё. Друга не купишь на дешёвой распродаже.

Учебное оружие и всевозможные гимнастические снаряды заполняли спортивный зал Колледжа. На одной стене висели луки, копья, дробовики и зловещие арбалеты. Самый длинный стенд занимала грозно поблёскивающая коллекция различных мечей, сабель и шпаг. Дальний угол заполняли лазерные пистолеты и ружья.

Не успела Никки войти в зал, как её остановил Джон Багстоун:

– Так как насчёт дуэли, ты уже готова?

Никки посмотрела на коренастого крупного юношу и увидела по его хмурому лицу, что этот парень не из тех, кто легко забывает обиды и унижения.

– Конечно, Джоник, – ласково ответила хрупкая Никки здоровенному пятикурснику. – Ты уже выбрал себе совок и песочницу, где мы будем проводить дуэль?

Раздались смешки среди мгновенно собравшихся вокруг Леопардов.

– На двуручных мечах, здесь и сейчас, – кивнул Багстоун, не поддержавший шуточный тон Никки. Судя по всему, он тщательно обдумал этот поединок и явно не собирался поджентльменски давать Никки какие-то шансы.

Леопарды неодобрительно загудели, и было понятно почему – тяжёлый двуручный меч давал взрослому парню значительное преимущество перед юной Никки. Лёгкие рапиры лучше бы подошли для такой дуэли. Кроме того, тяжёлые учебные мечи – редко смертельное, но довольно опасное оружие. Получить перелом ключицы, челюсти или запястья от удара таким мечом ничего не стоило.

Клинки были металлическими и издавали при столкновении громкий звон. Но когда меч приближался к телу человека и удар оказывался неизбежным, то, по команде внимательной компьютерной системы, из отверстий клинка, и без того незаострённого, мгновенно выбрасывались демпфирующие валики – как подушки безопасности в автомобиле – и лезвие окружалось мягким амортизатором. Однако травму тяжёлое оружие в чехле всё равно могло нанести серьёзную. Очевидно также, что Багстоун владел двуручным мечом мастерски, а Никки никогда не держала его в руках. Но не отступать же!

Дуэлянты пошли к мечевому стенду, окружённые уже всеми Леопардами. Подоспел спортивный тренер О-Ки. Окружающие нестройным хором растолковали ему происходящее.

Судя по выражению лица, тренеру тоже не понравился выбор оружия для дуэли. Он подошёл к Никки, посмотрел на неё внимательно, потрогал плечевую мышцу и протянул ей самый тонкий и короткий из имевшихся на стенде мечей.

Никки взвесила на руке предложенный О-Ки клинок и взмахнула им пару раз, к чему-то прислушиваясь. Потом она оценивающе посмотрела на тяжёлый двуручный меч, выбранный Багстоуном – чемпионом Колледжа в этом виде мечного боя, как стало понятно из восклицаний возбуждённой публики, и спросила:

– А можно взять два меча?

Кругом раздался растерянный смех Леопардов и издевательский хохот непонятно откуда взявшихся в зале Драконов.

– Теоретически можно, – поразился тренер О-Ки, – но с двуручным мечом трудно справиться даже двумя руками, а уж одной рукой... да ещё в каждой по клинку... Крайне не советую.

Но Никки не собиралась прислушиваться к голосу опыта.

– Джоник, у тебя нет возражений? – и, получив в ответ от Багстоуна вместе с надменной ухмылкой согласный кивок, стала внимательно перебирать мечи – под ехидные советы прибывающих Драконов и другой публики.

Вскоре Никки уже стояла с двумя клинками в руках посреди зала. Лёгкий и короткий меч, который порекомендовал тренер, она держала в левой руке, а в правой – средней тяжести длинный клинок.

Вокруг дуэлянтов собралась уже половина школы – т-фоны разнесли по Колледжу новость о дуэли, и публика повалила в гимнастический зал. Среди студентов Никки увидела озабоченного Джерри: он приветственно махнул ей рукой.

Раздался гонг к началу дуэли, и Багстоун сразу бросился в атаку. Никки стояла спокойно и, только когда тяжёлый меч стал опускаться прямо на её голову, быстро ушла в сторону.

Меч со свистом пролетел мимо Никкиного уха и безопасно устремился к полу, но Никки развернулась и зачем-то подставила под удар своё лёгкое оружие. Раздался громкий лязг, и короткий меч с силой отбросило в сторону.

Никки внимательно следила за поведением клинков при столкновении, даже не пробуя напасть на Багстоуна, который в этот момент отчаянно пытался удержать разогнавшийся тяжёловес и остался неприкрытым.

Болельщики встретили первую неудачную атаку Багстоуна свистом. Большинство сочувственно поддерживало неопытную Никки, чьи шансы выглядели ничтожными в сравнении со здоровяком Багстоуном, легко размахивающим огромным мечом. Но часть публики, в основном Драконы, держала сторону Багстоуна и жаждала увидеть поражение этой знаменитой Никки.

Тренер хмуро наблюдал за дуэлью, посматривая на данные контролирующей системы.

Наконец Багстоун вернулся в исходную позицию и снова атаковал, сделав широкий боковой замах мечом. Никки не стала уворачиваться, а попробовала отбить клинок Багстоуна ударом вверх лёгкого меча.

Ей это почти удалось, но меч противника был слишком тяжёл и обладал огромной инерцией – изменить его траекторию оказалось непросто. Поэтому в последний момент Никки пришлось сильно отклониться назад, пропуская над лицом и грудью свистнувший клинок.

Это движение Никки – гибкое и стремительное – вызвало в толпе зрителей восхищённый гул. Стало понятно, что победить Никки не так легко – она могла двигаться быстрее противника, компенсируя мобильностью отсутствие боевых навыков. При этом она пока орудовала только левой рукой с лёгким мечом. Правую руку с более тяжёлым оружием Никки практически не использовала, не утомляя её.

Багстоун сделал ещё несколько сильных выпадов массивным клинком, но с таким же успехом можно было гоняться с кувалдой за колибри – Никки с лёгкостью ускользала от удара, а Багстоун уже изрядно вспотел от размахивания массивным железом.

Так продолжалось в течение нескольких минут. Чаще всего Никки просто уклонялась от меча противника, иногда – пригибалась.

Когда Багстоун решил ударить на уровне ниже пояса, то Никки легко подпрыгнула над плоскостью движения тяжёлого меча, издававшего в полёте низкий гудящий звук.

Когда меч пролетал под её ногами, она сильно ударила сверху вниз подошвой кроссовка. После чего, приземлившись, Никки с удовольствием наблюдала, как меч соперника врезался в

упругий пол зала и отскочил от него, а сам Багстоун запрыгал вокруг взбесившегося тяжеленного оружия, стараясь его укротить.

Зрители встретили этот ход громкими криками и аплодисментами.

Никки периодически ударяла по клинку Багстоуна то одним, то другим своим мечом, но смысл этих ударов оставался непонятным для публики – по их мнению, эти совершенно бесполезные манёвры порождали лишь громкое боевое лязганье. Удивляло зрителей и то, что Никки ни разу не попробовала атаковать Багстоуна.

Через несколько минут такого странного поединка Никки неожиданно начала стремительно раскручивать длинный меч кистью правой руки, но не пробуя напасть с его помощью, а продолжая левой рукой с коротким мечом уже более умело парировать удары Багстоуна.

Тот насторожился в ответ на загадочные манипуляции Никки и даже отступил. Потом, сообразив, что раскрученный меч делает Никки менее подвижной и более уязвимой, Багстоун вразмах нанёс сильнейший удар сбоку, надеясь, что его меч или попадёт в саму Никки, или выбьет из её правой руки меч, уже превратившийся в матовый круг.

Никки легко уклонилась от его замаха, но не сделала никаких попыток увести от удара своё оружие. Она лишь свистяще задела лёгким лезвием пролетающий рядом с ней клинок Багстоуна – как будто подправила его траекторию.

В следующее мгновение два массивных куска металла с ужасающей скоростью врезались друг в друга: КЛАНГ!!! – раздался могучий гудящий удар.

Удержать оружие после такого столкновения было невозможно. Длинный меч выпорхнул из правой руки Никки, с визгом пролетел через весь зал к сабельному стенду и с хрустящим звуком вонзился в пенобетонную стену – аж до середины клинка!

Но и Багстоун не смог удержать свой гигантский меч – тот тоже вырвался из его рук, с сердитым гулом устремился к другой стене и с чмоканьем воткнулся в центр стрелковой мишени.

Болельщики дружно ахнули. Обезоруженный Багстоун проводил взглядом улетевший меч и растерянно посмотрел на Никки. Та, ничуть не расстроенная потерей длинного клинка, взяла второй меч в обе руки и встала в наиболее, по её дилетантскому мнению, боевую позицию. На лице у Никки играла весёлая улыбка.

– Как будем продолжать дуэль? – бодро сказала свежая и ничуть не уставшая Никки у мокрого и красного Багстоуна.

– Стоп! – выскочил вперёд ошеломлённый тренер О-Ки. – Всё закончилось! Мисс Гринвич победила. По правилам, потеря оружия Багстоуном – это чистый проигрыш.

Болельщики разразились овациями. Никки опустила меч.

– Джон Багстоун, ты берёшь назад свои слова о том, что я врала?

Тот, находившийся в полном шоке от своего поражения, только кивнул головой, но и это вполне устроило Никки. Она подошла к Багстоуну, и они, по дуэльной традиции, пожали друг другу руки.

– Прости, брат Леопард, но у тебя не было ни одного шанса, – весело сказала Никки.

– Это почему? – пробурчал багровый от позора Багстоун.

– Потому что на моей стороне было самое страшное в мире оружие...

– ...это её мозги! – дружно заревели вокруг восхищённые зрители, не дав Никки закончить.

– Понимаешь, ты выбрал самое механическое и легко рассчитываемое оружие. А кинетическая энергия – это очень интересная величина... На твоей стороне была сила, на моей – наука. Короче, исход дуэли был предreshён, согласно теореме о сохранении углового момента, – улыбаясь, сказала Никки.

– Вы хотите сказать, – вмешался в разговор тренер, – что рассчитывали выбить его меч? Может, его клинок не случайно попал в мишень для стрел?

– Да, не случайно, – совершенно спокойно кивнула головой Никки, – а второй меч я специально отправила в стенд, чтобы никого не задеть... А для чего, по-вашему, я взяла сразу два меча? Я не хотела остаться невооружённой после взаимной аннигиляции клинков...

Тренер остолбенел, а в притихшей толпе болельщиков раздался тихий свист, который издают люди в состоянии крайнего удивления. Тренер О-Ки повернулся, подошёл к стенду и попробовал вытащить вонзившийся меч Никки, но у него ничего не получилось, меч даже не дрогнул.

Тренер внимательно осмотрел его и, быстро найдя выход из положения, сказал окружившим его изумлённым Леопардам и школьникам из других орденов:

– Я навечно оставляю меч Никки в стене в качестве сувенира – на память о сегодняшнем поединке... А ты, чемпион, иди вытаскивай своё железо из мишени, – набросился О-Ки на бедного взмокшего Багстоуна. – Во-первых, мишень будет нужна лучникам. Во-вторых, ты не заслужил таких сувениров... Набросился с тяжёлым мечом на младшую девчонку, храбрец...

Потом тренер О-Ки озадаченно посмотрел на ничуть не вспотевшую и бодрую Никки, возле которой уже стоял сияющий Джерри.

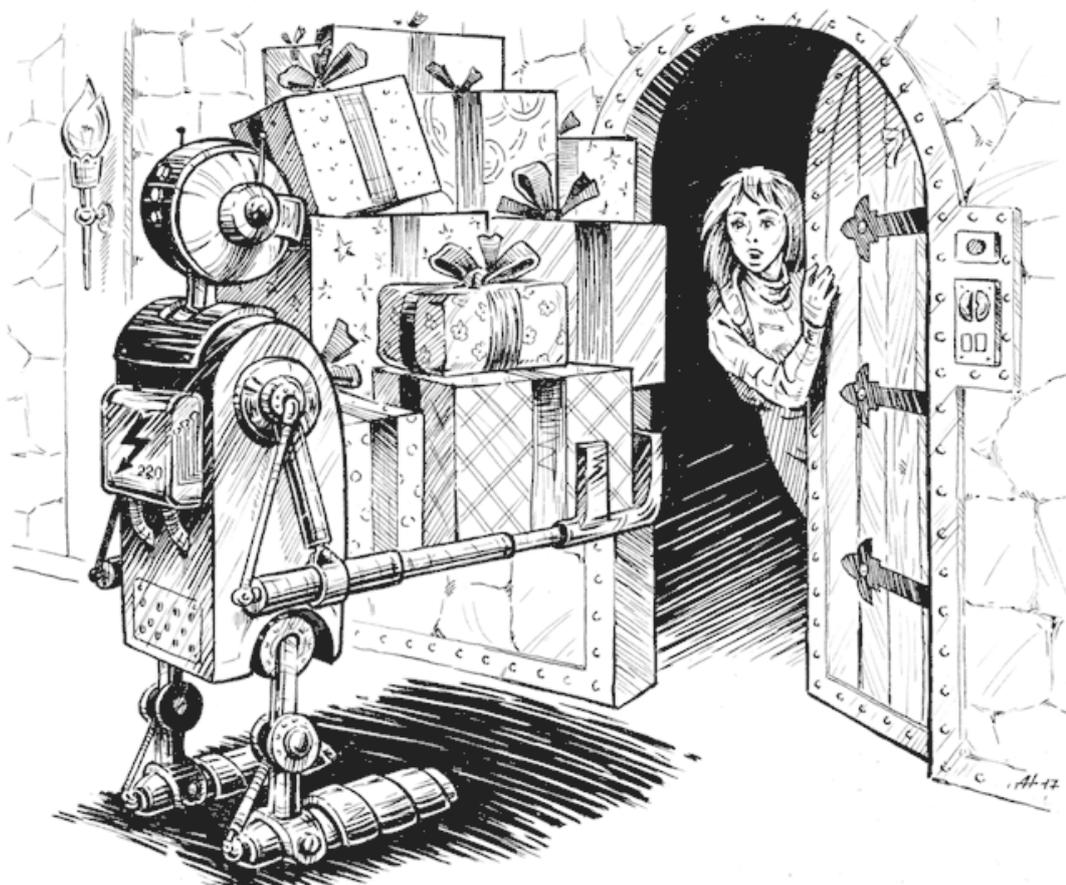
– На пенсию пора, что ли, – вздохнул он, – если уж наука и сюда добралась...

Известие о поединке облетело всю школу. В гимнастический зал заходили целые толпы студентов, чтобы полюбоваться мечом, торчащим из стенда.

Кто-то приклеил к стене экран, который охотно показывал видеозапись поединка, сопровождая его не очень пристойными комментариями в адрес Багстоуна.

Многие хватались за глубоко вонзившийся меч, висели на нём всем телом, но даже пошевелить его никому не удалось. Слава Никки-мечника затмила в глазах школьников все предыдущие её достижения, включая рекорд при поступлении в Колледж. Дети есть дети, в голове одни драки!

Глава 2. Рождество

Приближалось Рождество – любимый праздник школьников: ведь с него начинались зимние каникулы длиной в месяц! Но последние дни перед праздниками и каникулами насыщались учебными неприятностями как никогда – контрольные работы сыпались на бедных учеников Школы Эйнштейна как из рога изобилия, оставляя заметные шишки.

На очередной ужин Джерри пришёл мрачный.

– Что случилось? – спросил его Хао, и Никки тоже оторвалась от тарелки и посмотрела на Джерри.

– Профессор Дермюррей поставил за мою контрольную работу по кольцам Сатурна самую низкую из зачётных оценок – три балла из десяти. Хорошо хоть не заставил переписывать, но приличной оценки за полугодие мне уже не видать как своих ушей.

– А почему?

– Счёл основную идею реферата неправильной. Помните, он рассказывал о проблеме крупномасштабного расслоения колец Сатурна и обмолвился о том, что никто ещё не сумел найти механизм крупной полосатости колец? Что-то заставляет плотное центральное кольцо шириной в двадцать пять тысяч километров делиться на узкие колечки шириной примерно в тысячу километров, которые, в свою очередь, делятся на более узкие – в сотни и десятки километров...

– Помним, – кивнула Никки.

– А на биологии профессор Франклин нам рассказывала о полосках на шкуре тигра, вызванных неустойчивостью или самоорганизацией органических молекул, переползающих с места на место и химически реагирующих друг на друга?

– Ну и?.. – спросил заинтересованно Хао.

– Обе эти системы описываются системой уравнений одного типа. И мне пришла в голову идея: может ли полосатость колец Сатурна генерироваться тем же механизмом, что рисует полоски на тигре? Я сравнил системы уравнений для планетных колец и для биосистем. После чего доказал: если включить в уравнения для колец слагаемые, соответствующие аналогам химических реакций, то кольца смогут расслаиваться на очень крупные структуры. Следовательно, кольца могут быть полосаты по тем же причинам, что и тигр.

– Отличная идея! – восхитилась Никки. – Молодец, Джерри!

– И как отреагировал профессор Дермюррей? – спросила внимательно слушавшая Дзинтара.

– Он написал в отзыве: «Идея химических реакций между снежными частицами колец Сатурна – это бред!» – и велел не браться за проблемы не по зубам. И поставил эту чахлаю тройку.

– Идея действительно хороша, но речь идёт не просто о химических реакциях, а об их имитации... – протянул задумчиво Хао.

– Я лишь указал на математическую возможность решения проблемы расслоения колец, но не смог найти реального аналога таких реакций, а профессор за это и ухватился... – расстроено сказал Джерри. – В конце концов, это всего лишь школьная курсовая, а не диссертация!

– Профессор Дермюррей не любит людей, замахивающихся на задачи, которые он сам не может решить, – отметила умная Дзинтара.

– Но уступать тоже нельзя, – решительно заявила Никки. – Надо понять, в чём здесь дело, и утереть нос профессору Дермюррею. Подумаем вместе, если хочешь.

– Это не поможет улучшить оценку за полугодие... – грустно вздохнул Джерри.

– Тарантул с ней, с оценкой, – фыркнула Никки. – Важнее всего истина и справедливость.

В субботу после завтрака Джерри с Никки пошли в парк – давно уж занятия не давали им спокойно побродить по дорожкам и сходить к озеру. А Никки вообще в первый раз попала в лес без коляски и прыгала по зарослям и кочкам, как оленёнок, в то время как Джерри степенно шёл по светлой бетонной дорожке, на которой лежали почти чёрные пятна теней от деревьев.

Джерри задумчиво шагал по тропинке, машинально стараясь наступать только на тёмные места. Никки проводила его походку взглядом, потом выпрыгнула из кустов и выпалила:

– Реши задачку, Робби мне как-то задавал... Дано бесконечное поле, раскрашенное произвольно в чёрный и белый цвета. Докажи, что на этом поле всегда можно найти две точки одинакового цвета, которые можно соединить заданным отрезком, например длиной в шаг.

Джерри на несколько секунд задумался, потом ответил:

– Беру равносторонний треугольник со сторонами той самой заданной длины и бросаю на твоё чёрно-белое поле... могу даже закрыть глаза при этом. Три вершины треугольника на поле двух цветов – из них две вершины будут обязательно одинакового цвета – вот и всё.

– Силён... – уважительно сказала Никки. – Я думала дольше и пошла по другому пути – проводила окружности, брала дуги... У тебя решение красивее и проще.

– Тогда и я тебя озадачу, – улыбнулся Джерри. – Как-то, по мнению султана, в его придворной академии оказалось слишком много мудрецов – требовалось срочное сокращение штатов. И тогда он объявил своим учёным: «Завтра я вас всех построю в прямую линию – в затылок друг к другу, чтобы вы позади себя ничего не видели. Каждому надену колпак – красный или синий, а вот какой – вы будете видеть лишь у всех впереди стоящих, но не у себя. К каждому из вас, начиная с последнего, подойдёт палач и спросит о цвете вашего колпака.

Вы можете сказать только одно слово – „красный“ или „синий“. Если не угадаете цвет своего колпака – голову долой, угадаете – живите...»

Так султан надеялся сократить вполтину султанскую академию наук, но у него ничего не получилось – за ночь его академики придумали способ, как спасти жизни практически всем. Лишь один из них рисковал жизнью. Какой способ нашли мудрецы?

– Ух ты! – Никки задумалась до самого озера и уже не бегала по лесу, как охотничий щенок. – Задача не имеет решения, – через полчаса решительно заявила Никки. – Последний мудрец может сообщить цвет колпака впереди стоящему – и тот спасётся, но что будут делать остальные? Можно спасти около трёх четвертей мудрецов, но не всех...

– Неверно, – ухмыльнулся Джерри, – думай дальше, Никки.

Они устроились в шезлонгах у озера, где коварный Джерри стал спокойно греться на солнышке, а Никки продолжала морщить лоб. Джерри уже задремал в полотняном креслице, когда она закричала:

– Нашла,шла,шла! Смотри – присваиваем красному колпаку значение единицы, а синему – двойки. Последний мудрец смотрит на колпаки впереди стоящих товарищей по несчастью и складывает все эти цифры. Получает число – чётное или нечётное. Если чётное – он отвечает на вопрос палача «синий», если нечётное – «красный». Ему может повезти, и этот цвет совпадёт с его колпаком, тогда он останется жив.

Когда палач переходит к следующему мудрецу, тот уже знает ответ первого, подсчитывает сумму цифр по передним колпакам и если получает число той же чётности, то это означает, что его колпак – синий. Если чётность чисел не совпадает, то его колпак – красный. Так поступает каждый мудрец – зная ответ сзади стоящего и видя колпаки впереди стоящих, он вычисляет цвет своего колпака. Шикарная задача!

– Молодец, – серьёзно сказал Джерри. – Когда отец задал мне эту головоломку, я думал неделю, но не смог решить. Правда, это было пару лет назад...

Никки, очень довольная, уселась поудобнее в шезлонге и заявила:

– Не думаю, что этот трюк спасёт мудрецов надолго – султан всё равно найдёт способ их прикончить... Обрати внимание: во все времена были султаны и мудрецы – власть и мозги, – и всегда они разделены, и всегда мозги подчинены власти... Нигде интеллектуалы не стоят у политического руля.

– Это ортогональные профессии в мире узкой специализации, – хмыкнул Джерри. – Или ты думаешь о тайнах природы – и должен быть, как правило, хронически честен, или ты сконцентрирован на политической карьере, что обязывает к профессиональной лживости.

– Похоже, что так... – задумчиво протянула Никки. – Ну, после такой интеллектуальной разминки мы твою задачу про аналоги химических реакций в планетных кольцах решим с разбегу. Насколько я помню... исправляй, что не так... сатурнианские кольца – это гигантский тонкий диск радиусом сто сорок тысяч километров, вращающийся вокруг Сатурна с радиусом в шестьдесят тысяч.

Джерри одобрительно улыбнулся. Никки продолжала:

– Кольца Сатурна в пропорции тоньше любой бумаги: при гигантской ширине в семьдесят тысяч километров кольца представляют собой плоский, толщиной в десять – двадцать метров, слой из снежных частиц с размерами от мелкой пылинки до нескольких метров. – Никки явно нарисовала в голове картинку колец и с любопытством озиралась в ней. – Снежные глыбы летят вокруг планеты со скоростью более десяти километров в секунду, а относительно друг друга плавают миллиметр в секунду... великолепная рысца улитки! Словно вялые великаны играют в чудовищные снежки. Частицы с плотностью свежеснежавшего снега легко разрушаются при взаимных столкновениях с миллиметровой скоростью благодаря исключительной рыхлости.

От удара частица плавно – в течение часа! – разваливается на части, и снежная пыль расплзается вокруг, сверкая в солнечном свете. Это, наверное, эффектное зрелище! Каждая

крупная частица за несколько дней проходит цикл от разрушения до нового собирания вещества в комок. Снежок грязноват – есть примесь каменной пыли.

Никки задумалась:

– Что мы можем отсюда получить?.. Слипание мелких частиц и разрушение крупных – это здорово похоже на химические реакции... пусть крупные частицы – это химический элемент А, а мелкие – это химический элемент В – и всё в порядке! А распадается на В, а В сливаются в А – вот тебе и химические реакции в кольцах! А?

– Нет, не годится, – ответил Джерри. – Я уже анализировал такую идею. Системы уравнений для каждого такого компонента А и В в сумме дают обычное уравнение непрерывности, без слагаемых химических реакций – и никакой структуры не возникнет.

– Хорошо бы придумать какой-то аналог химических реакций для открытой системы – именно в них возникают пространственные волны... – Никки рассеянно потянула себя за ухо...

Джерри согнал с колена большого кузнечика, прыгнувшего из прибрежной травы, и посмотрел на озеро.

– Если для мелкого озера записать уравнение непрерывности, то оно опишет динамику количества воды на квадратный сантиметр и покажет, что озёрная волна возникает за счёт прилива из соседних областей... Если же над озером висит туман, то в уравнении добавляется «химическое» слагаемое, описывающее конденсацию пара над поверхностью. Дождь – это новый источник вещества в каждой точке озера.

– И что же тебе ещё надо? – удивлённо спросила Никки.

– То есть?

– Ты уже решил задачу! В уравнениях планетных колец аналогом химических реакций является конденсация внешнего вещества, оседающего на кольца. Это и есть открытая система с притоком вещества снаружи.

– И что же может служить причиной такого внешнего потока? – спросил Джерри после паузы напряжённого раздумья.

Никки радостно фыркнула.

– Да тебя устроит любой поток вещества, который никак не связан с диффузией и перемещением крупных частиц колец. Например, микрометеориты бомбят снежные глыбы и рожают ледяную пыль, а она может оседать в кольцах где угодно. Возможно, при образовании колец над ними висело облако водяного пара, которое конденсировалось в снег. Наверное, это было красиво – падающий снег в юных кольцах Сатурна!..

– Как у тебя оказалось всё просто... – удивился Джерри.

Никки, взволнованная новой идеей, соскочила с пляжного креслица.

– Любое несохранение вещества становится аналогом химических реакций! Я давно заметила, что сохранение – брат тривиальности, а открытость или несохранение дают новый уровень организации системы! А ты знаешь механизм образования барханов в пустыне или снежных волн при метели? – спросила Никки с горящими глазами.

Джерри отрицательно помотал головой.

– Барханы – и песчаные, и снежные – появляются, когда ветер переносит мелкий песок или снег с места на место. Сыпучие волны образуются, если есть песок разных размеров – крупные песчинки катятся, а мелкие летят по ветру. При их взаимодействии начинают расти волны. Мелкая пыль играет здесь роль как раз внешнего потока вещества! Значит, полосы на шкуре тигра, песчаные барханы и самые крупные колечки Сатурна образовались по одному принципу! Какая красота!

Никки от возбуждения не могла устоять на месте, она металась по пляжу, как кошка, глотнувшая валерьянки.

– Опубликуй это в сборнике Колледжа! – выпалила она, подбежав к шезлонгу Джерри. – Утрёшь нос профессору Дермюррею!

– Согласен, только если ты будешь соавтором, – улыбнулся Джерри. – Окончательное решение увидела ты. Заодно составишь список физических условий, когда возникает такая неустойчивость.

– Спасибо, Джерри, за предложение... – Никки смутилась от неожиданности. – Как ты назвал свою неустойчивость?

– Нашу, Никки, нашу... – улыбнулся Джерри. – Ещё не назвал... У тебя есть идеи?

– Я бы назвала её неустойчивостью тигриных полос!.. Или нестабильностью горячих барханов!.. Или феноменом снежной метели!.. Или антидермюрреевским процессом! – Никки расшалилась и побежала по кромке озера, громко что-то крича и раскинув руки...

Избавившись от коляски, она то и дело бегала – просто не могла устоять на месте. А Джерри от души радовался за неё.

Рождественский бал в Школе Эйнштейна устраивался за день до Рождества. На следующее утро студенты разъезжались на каникулы, и большинство успевало встретить праздник дома, в семьях.

Бал Рождества был главным светским событием года в Колледже – к нему готовились задолго, особенно девушки, много месяцев выбирая по каталогам наряды и страстно обсуждая самые убойные причёски и туфли. Некоторые ради эффектного платья заранее садились на жёсткую диету, отчего портился аппетит и у других сидящих за тем же столом. Как можно спокойно есть, если соседка-модница смотрит в твою тарелку голодными злыми глазами?

По совету дружелюбной Луизы, парикмахера и модельера Колледжа, Никки заказала себе по марсианскому каталогу платье цвета лаванды с серебряной отделкой. Для Робби пришлось купить отдельную сумку такого же цвета и переселить его туда из потрёпанного рюкзака.

Хорошо ещё, что покладистый Робби совершенно не интересовался фасоном своего обиталища. Шнур от шейного импланта шёл к Робби по ремню сумки, поэтому снимать её с плеча было нельзя.

Войдя в зал, убранный для рождественского бала, Никки попала на поляну, окружённую заснеженным еловым лесом. Воздух искрился от мелких снежинок. По краям поляны, не мешая танцующим, стояли столы – прямо в пушистых сугробах меж елей. На столах высились бутылки безалкогольного шампанского, подносы с бутербродами и тортами, канделябры с зажжёнными свечами и вазы с букетами хвойных веток.

Сверху зал освещался полной луной. Вряд ли над Эдинбургским замком сейчас сияла такая луна – возможно, её пришлось занять где-нибудь на русских равнинах или в канадских лесах.

По краю поляны горело несколько костров, и, подойдя ближе, Никки с удивлением обнаружила, что костры настоящие – в отличие от голографического снега. Огонь всегда привлекал её – на астероиде она не могла позволить себе такой роскоши: слишком большой расход кислорода.

Она остановилась у костра под большим деревом и протянула ладони к раскалённым языкам пламени. Вокруг расположилась и шумела компания юношей и девушек старших курсов Ордена Совы. Никки никого здесь не знала, но они дружно приветствовали её. Девушки стали заинтересованно рассматривать и обсуждать Никкино платье – а что ещё делать на балу до начала танцев? Невысокий – ниже Никки – мальчик спросил взволнованным голосом:

– Что тебе принести выпить, Никки?

Она уже открыла рот – попросить любого красного сухого вина, но вовремя вспомнила, что сегодня вся еда уже выставлена на столах и там явно нет того, чего она хотела. Никки улыбнулась мальчику:

– Спасибо, ничего не нужно.

Он смешался и куда-то исчез.

Пламя язычески буйно танцевало на кусках старых деревьев, собранных кем-то в лесу. Не очень сухие дрова шипели, трещали и стреляли искрами. Никки грелась у костра, поглядывая на окружающих школьников – умных, весёлых, дружелюбных, и в какой-то момент на неё снизошло удивительное чувство умиротворения.

Она остро почувствовала, как счастлива в Колледже, и ей стало совершенно непонятно, как она смогла прожить столько лет в одиночестве – без этого смеха вокруг, умных разговоров и острых шуточек.

Перед ней снова возник невысокий мальчик, но уже с бокалом красного вина в руке, встреченный дружным смехом компании. Никки удивилась:

– Ты что – читаешь мысли? Где ты это взял?

Мальчик зарумянился:

– Все знают, что ты любишь кьянти и что тебе это разрешено... А это – со стола преподавателей, профессор Майсофт мне помогла. Я сказал, что для тебя...

Никки взяла бокал у него из рук, отпила – не кьянти, но отличное лунное каберне.

– Спасибо! – с чувством сказала она и, повинувшись импульсу счастья, переполняющему её в этот вечер, обняла свободной рукой невысокого мальчика за плечи и поцеловала его в румяную щёку.

Тот вспыхнул ярче костра, но всё-таки сказал высоким голосом:

– Пожалуйста!

Компания засмеялась и захлопала в ладоши. Очень смуглый горбоносый парень сказал, странно растягивая слова:

– Никки, почему тебя, с твоим интеллектом, Волди определил в Леопарды, а не в Сова?

– Наверное потому, что Леопарда с мозгами представить легче, чем Сову с зубами... – пожав плечами, ответила Никки.

– Слушай, Никки, а можно спросить про твою теорию? У тебя в реферате есть одно тёмное место про чёрные дыры, – скалабурила красивая девочка-Сова в пёстром платье с огромным прозрачным шарфом. – Правда, сейчас бал...

– Спрашивай, конечно, – сказала Никки. – Беседовать у рождественского костра о чёрных дырах – это шик.

– Ты утверждаешь, что космонавт, упавший в чёрную дыру, обязательно из неё выберется. Но ведь даже свет не может улететь с поверхности этой гравитационной могилы! Как же это сможет сделать космонавт, если ничто в этом мире не может двигаться со скоростью быстрее света? – спросила девочка, пристально смотря на Никки.

Вся компания Сов-интеллектуалов с интересом ожидала ответа.

– В чёрной дыре есть одна вещь, которая может летать гораздо быстрее света, – это сама чёрная дыра, вернее, её поверхность, – сказала Никки. – Поверхность Шварцшильда – воображаемая штука, и она может сжиматься или падать к центру во много раз быстрее и фотона, и космонавта. Поэтому поверхность чёрной дыры легко может обогнать падающего космонавта, и он окажется вне её – то есть выберется из чёрной дыры без всякого нарушения теории относительности.

– А почему дыра начинает сжиматься? – спросил рыжий вихрастый мальчишка с короткой верхней губой, открывающей крупные зубы.

– Любое уменьшение гравитационной массы дыры вызывает сокращение радиуса Шварцшильда. Переменность гравитационной массы – это ключевой фактор динамики как в чёрных дырах, так и в космологии. Вселенная с постоянной массой нежизнеспособна, как пловец с гирей на шее... И чёрная дыра с фиксированной массой – это действительно гравитационная могила. Зато чёрная дыра с массой, переменной из-за испарения в гравволны, не только никого не погребёт, а буквально вывернется наизнанку, но выбросит сумасшедшего космонавта наружу... – сказала Никки. И увидела Джерри, который шёл по залу, высматривая её.

Она подняла руку – юноша заметил Никки среди Сов, заулыбался и направился к ним. Для бала Джерри оделся в бордовую с искрой рубашку и чёрные брюки. Он шагал по залу уверенно и энергично. Этот высокий юноша совсем не был похож на подавленного подростка из Лунного госпиталя, а тоскливое выражение давно исчезло из его глаз.

«Он уже совсем не мальчишка...» – удивлённо подумала Никки, и ей вдруг ужасно захотелось поерошить его длинные каштановые волосы... но она уже понимала, что у людей не принято трогать друг друга без особых причин. Впрочем, даже когда особые причины существуют, люди всё равно зачем-то наступают себе на горло... Дурацкие традиции!

– Где ты был, Джерри? – приветствовала его компания. – Тут Мэтт таскает Никки вино... Она его целует в благодарность! Гляди – уведёт подружку!

Джерри усмехнулся:

– Ребята, вы с ней поосторожнее – это настоящий Леопард... Увести её? Ха! Никки идёт только туда, куда сама захочет! Её и танком не остановить... были, были прецеденты.

Никки улыбнулась и, неожиданно даже для себя, не выдержала – смело обняла Джерри и поцеловала в обе щёки, чуть не облив ему спину вином из бокала. Потом посмотрела блестящими глазами на смеющуюся компанию вокруг костра и сказала, переполненная удивительным чувством праздника и общности с этими ребятами:

– Я вас всех люблю! Это моё первое Рождество среди людей, вообще мой первый бал, вы даже не представляете, как я счастлива... Я и танцевать-то не умею, и у костра стою впервые в жизни...

Совы вокруг огня весело загалдели, довольные так, как будто именно они изобрели рождественские балы, танцы и костры:

- Да мы тебя сейчас научим танцевать, делов-то!
- По-моему, Никки навеселе, наверное, Мэтт ей коньячок притащил...
- Юкку-джет каждый шпак станцует!
- Вертофлип интереснее...
- Подумаешь, вертофлип... Я бы ещё про чёрные дыры послушал...
- Ребята, пошли к столу, перекусим!

Они по колено в снегу добрались до бутербродов; потом загремела горячая музыка. Все стали учить Никки танцевать, и она действительно быстро освоила ритмические движения.

Когда зазвучала плавная мелодия, Джерри пригласил девушку на медленный танец. Оказалось, что ему и учиться не надо, а ещё, к удивлению Никки, выяснилось, что в таких медленных танцах люди нарушали свои же традиции и приближались друг к другу на расстояние, невысказанное в обычной ситуации.

«Вот странно, гладить друг друга по голове у людей считается неприличным, но в таком танце разрешается обнять девочку... – Никки прерывисто вздохнула, ощущая руки Джерри вокруг своей талии, – или взять мальчика за плечи... – Никки с забившимся сердцем передвинула горячие ладони на плечах Джерри и осторожно приблизилась к нему ещё чуть ближе. – Может, тут важна музыка или коллективность?» – Никки была взволнована и удивлена, но совершенно не возражала против такой нелогичности людских традиций.

Потом она танцевала с Мэттом и другими знакомыми и незнакомыми мальчиками. Впрочем, это оказалось совсем не то, что танцевать с Джерри... В середине бала, когда они с Джерри отошли отдохнуть и выпить минеральной воды, Дзинтара представила ей свою не-дитбитовскую компанию Драконов.

Тощий Дракон из окружения Дзинтары захотел пригласить Никки на танец, но она, посмотрев на него, отказалась, сама не понимая почему. Дракон надулся и обиженно обратился к Дзинтаре:

– Принцесса Дзинтара, твоя подружка Никки ко мне плохо относится!

– Ужасная невоспитанность! Я ей всегда говорила: не суди о человеке по лицу! – ядовито посочувствовала Дзинтара. – Прости её – она сущее дитя природы.

На самом деле Никки ко всем сегодня относилась хорошо и все ребята казались ей удивительно милыми и приятными. И даже когда она, вальсируя с Оленем Сёмой Глуздом, промчалась возле группки друзей Дитбита и оттуда вылезла нога для подлой подножки – это нисколько не испортило её настроение: она просто с размаху наступила острым каблуком на далеко вынутую ногу и закружилась в танце дальше.

Рождественский бал удался на славу. Никки в жизни так не веселилась.

Но самое главное в этот удивительный вечер случилось позже – когда Джерри провожал её до башни Леопардов. В полутёмном холле башни никого не было, кроме времени и судьбы.

В углу громко тикали часы с маятником в античном стиле, мелодично, но непреклонно отзванивая каждую четверть часа.

Между танцами Джерри украдкой отпил из бокала Никки пару глотков, и сейчас его глаза необычно блестели. Никки уже зашла в лифт, но Джерри вдруг шагнул вперёд и неловко обнял её за талию.

«Он хочет танцевать прямо здесь?» – подумала удивлённо Никки. Но Джерри сильно прижал Никки к себе и зарылся лицом в её хрустальные волосы. Никки замерла. Сердце её оглушительно забило, и руки сами робко скользнули на плечи Джерри. Она много читала про ЭТО, но никогда не испытывала ничего подобного. Сильно дрожа, Никки подняла голову, и их губы встретились.

Ослепительная вспышка осветила тёмный холл.

Наивная девочка с маленькой планеты никогда не представляла, какой силы чувство возникает в момент, когда впервые влага твоих губ смешивается с влагой ЕГО губ, неприятно чужих вначале и бесконечно близких уже через длинное мгновение.

И его, и её опалило, и они на шаг отступили друг от друга. Никки прижала ладони к пылающим щекам, а Джерри, задыхаясь, схватился за стену. Они совершенно не понимали, что с ними случилось.

А случился с ними Первый Настоящий Поцелуй – редкая и драгоценная вещь! Поэты и учёный люд давно ломают головы над этим загадочным феноменом, который невозможно повторить в лаборатории.

Рецепт вначале прост: надо взять два чистых сердца... – но никто не знает, что нужно делать потом! Известно только, что человек, испытавший чудесный жар Первого Настоящего Поцелуя, запоминает его на всю жизнь – этот огонь согревает душу спустя десятилетия и может даже спасти жизнь усталого путника, замерзающего в ледяной пустыне.

Железный лифт, равнодушный к человеческим эмоциям, закрыл двери между Никки и Джерри и повёз ошеломлённую девочку наверх. Она едва перевела дыхание к десятому этажу – и сразу выскочила на балкон.

Внизу, среди ночных газонных фонтанчиков, совсем не прячась от водяных струй, Джерри медленно шёл к башне Сов. Никки робко подняла ладонь ему вслед, и в тот же момент Джерри обернулся и махнул ей рукой. Сердце Никки совершило кульбит, и она, совершенно ошалевшая от переполняющих чувств, умчалась в комнату, унося с собой жаркое воспоминание, цветущее на губах.

Следующим утром Никки проснулась с восхитительным чувством – она первый раз за многие годы встретила Рождество не на астероиде в полном одиночестве (ну да, ну да, конечно, там был Робби, но всё-таки...), а среди друзей в весёлой компании. А уж изумительный фортель, который выкинул вчера Джерри... И ещё здорово, что наступили каникулы и можно от души поваляться в кровати.

Вдруг зазвенел дверной зуммер – кто-то срочно хотел её увидеть.

– Кто там? – удивлённо спросила у Робби сонная Никки.

– Робот-посыльный, – сообщил Робби. – Просыпайся, двуногий ленивец, тебе притащили рождественские подарки.

– Мне? Подарки?! – Сон слетел с Никки со сверхсветовой скоростью, сметя по пути теорию старика Эйнштейна.

С громкими поздравлениями в спальню въехал робот, еле видный из-под кучи коробок.

– О Андромеда! – восхищённо выдохнула Никки. Никогда ещё она не получала столько подарков. Честно говоря, на своей памяти она ни одного подарка ни от кого не получала. На астероиде она дарила их сама себе. Да, конечно, и Робби старался, как мог, но что он мог ей подарить, сидя вместе с ней? Разве что какую-нибудь звезду с неба... А тут целая куча самых привлекательных коробок!

Робот-кентавр сгрузил подарки и уехал, распевая приятным голосом рождественскую песенку «Джингл белл, джингл белл...».

Никки бросилась разбирать сверкающую груду сокровищ. Сверху лежала яркая коробочка от Смита Джигича «Лунные крылья – пособие по конструированию, изготовлению и полётам» – лэптоп со специальным экраном и световым пером для моделирования собственных крыльев.

– Какая полезная штука! – обрадовалась Никки. – Спасибо, Смит!

Следующая коробочка – от адвоката Дименса – содержала электронную книгу-библиотеку с набором всех знаменитых книг и фильмов человеческой цивилизации.

– Да, эту книгу можно читать и смотреть всю жизнь, – иронично прокомментировал подарок Робби.

Но Никки пришла от этой библиотеки в восторг. Ей нравилось и то, что книга могла комментировать своё содержимое с разных точек зрения. Если задать ей вводную информацию «первокурсник Школы Эйнштейна», то она начинала ломким голосом хвалить «Приключения марсианского пионера». Можно было прикинуться столетним бывшим космонавтом, и книга начинала с почтительного совета посмотреть документальный фильм про освоение Луны.

Хао прислал толстую бумажную книгу – сборник восточной поэзии. Никки открыла наугад страницу со стихами какого-то Басё и с удовольствием прочитала:

Жёлтый лист плывёт.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснёшься ты?

«Здорово!» – восхитилась Никки.

«Но Хао и сам хороший поэт...» – смущённо вспомнила она стихи, услышанные в первый учебный день, и перевернула страницу.

Грустите вы, слушая крик обезьян!
А знаете ли, как плачет ребёнок,
Покинутый на осеннем ветру?

Никки вздрогнула и захлопнула книгу. И побыстрее принялась разворачивать следующий подарок.

Большая Тереза подарила красивую глиняную бутылку лунного мерло! Вот уж никак не ожидала Никки таких жестов от этой суровой леди.

Дзинтара прислала очень старую картину маслом – бушующее море и моряки, цепляющиеся за обломок мачты после кораблекрушения. Гигантские зелёные волны в пене просвечи-

вались ярким солнцем, и на фоне этого великолепия даже судьба матросов не казалась ужасной, хотя, конечно, их положение было не блестящим.

Никки немедленно повесила картину на стену и отошла полюбоваться. Картина излучала рёв волн, сверкание солнца, мощь стихии... Комната Никки преобразилась – в ней появилось дыхание океана, кусок удивительной планеты Земля, где Никки никогда не была. Её странно трогало и то, что это было нарисовано земным человеком, который сам видел полупрозрачную волну и море в белой штормовой пене...

Есть сущности выше фантазии – их нельзя придумать, а можно только увидеть.

Никки осторожно потрогала рельефные мазки краски на древнем холсте и подумала, что это наверняка очень старинная и страшно дорогая картина. Дзинтара совсем не думает о цене, для неё такой категории просто не существует. Как-то они заговорили за завтраком об омарах. Выяснив, что Никки никогда их не пробовала, Дзинтара, не моргнув глазом, заказала на ужин гигантских морских раков – с доставкой из самого шикарного ресторана Луна-Сити. Джерри потом сказал, что подобный заказ стоит неимоверно дорого... Принцесса, что и говорить. Но омары были хороши.

Большая коробка от профессора Майсофт содержала отличный шлем для виртуальной реальности и музыкальную открытку.

Изабелла прислала набор вкусных шоколадных конфет с гавайскими орехами «макадамия» – Никки никогда раньше их не пробовала.

Последний небольшой пакет – от Джерри. Он подарил ей стального цвета наручные часы с массивным браслетом. На матовой поверхности довольно большого циферблата ничего не было видно. В постскриптуме к поздравлению на красивой голографической открытке с заснеженной ёлкой, которая махала лапами, звенела сосульками и хвойно благоухала, Джерри просил, чтобы Никки носила часы постоянно, – они с секретом, который будет ей «раскрыт в ближайшем будущем».

Никки с любопытством покрутила часы и надела их на руку. По часам немедленно пробежала россыпь разноцветных крохотных огоньков, выстроившихся в значки, – часы стали исправно показывать время. Здорово!

«А я-то никому не послала подарков! – ужалила Никки кошмарная мысль. – Палёная шерсть Тарантула! Я совсем не привыкла кому-то что-то дарить – и вот оказалась полной свиньёй! Ужасный ужас! Надо придумать всем подарки на Новый год – не блестящий, но всё-таки выход».

И Никки стала совещаться с Робби.

Когда она вошла в кафе, все друзья уже собрались за столом. Никки встретила взглядом с Джерри. Между ними проскочила искра, и на Никкином лице вспыхнул жаркий след Первого Поцелуя.

Маугли не знала, что на губах Джерри расцвёл такой же след.

– Ну ты и соня! – приветствовала её Дзинтара. Джерри и Хао тоже поздоровались. Никки села за стол.

– Ребята, спасибо вам за подарки, – с благодарностью сказала Никки. – Я уже хорошенько всё рассмотрела. Дзинтара, картина великолепна – у меня нет слов... в моей комнате появилось окно на Землю и запахло океаном.

Хао, спасибо за мудрую книгу... Басё чуть было не заставил меня плакать.

Джерри, твои часы совершенно замечательны, да ещё с таинственным сюрпризом.

Никки подняла руку с часами и полюбовалась на них.

– Вы даже не понимаете, что для меня значат ваши подарки – ведь уже много-много лет мне никто и ничего не дарил. За последние месяцы я поняла, как хорошо жить среди друзей, вчера я первый раз танцевала на балу, а сегодня я узнала, как здорово получать подарки!

Про самое замечательное событие рождественского бала Никки решила умолчать.

Друзья улыбались, глядя на взволнованную Никки, а Дзинтара даже встала и растроганно обняла Никки. Джерри тоже был бы рад это сделать, но... Дурацкие традиции!

– Рада, что тебе всё понравилось, – сказала Дзинтара. – Ведь дарить подарки не меньшее, а, может, даже и большее удовольствие, чем получать их.

– Сейчас увидим. – Никки достала из кармана и положила перед каждым из друзей по блестящему металлическому кристаллу размером с полпальца.

– Платино-иридиевые кристаллы, – удивилась Дзинтара, выросшая в семье, процветающей на геологических разработках и месторождениях. – Большая редкость, особенно такие крупные... растут только в космосе, их найти очень непросто.

– Да, – согласилась Никки. – Это вам сувениры с моего астероида, я там обнаружила небольшое гнездо таких пальчиков.

– Благодарю, Никки. – Джерри залюбовался блестящими гранями кристалла.

– Это же, наверное, дорогая вещь, они тебе самой могут понадобиться, – сказал бережливый Хао.

– Ерунда, – отмахнулась Никки. – Но этот подарок со смыслом. Изотопный состав химических примесей в металлических кристаллах очень индивидуален. Поэтому такой кристалл может служить изотопным ключом, который практически невозможно подделать. Расценивайте его как постоянно действующее приглашение на мой астероид. Шлюз «Стрейнджера» будет настроен на него. Кроме того, – кто знает? – нам может понадобиться иметь общий для всех нас ключ-пароль. Если вам когда-нибудь на запертой двери встретится изображение Санта-Клауса с большим ключом, то приложите этот кристалл – и дверь откроется.

Всем это жутко понравилось, ещё бы – тайное Общество Рождественского Ключа, секретные двери и загадки. Ребята с энтузиазмом стали благодарить Никки, а та мысленно согласилась с Дзинтарой – действительно, подарки делать очень приятно. Но что же – о стройные копыта Козерога! – подарить Смиту Джигичу, Изабелле и профессору Майсофт? И Большой Терезе, конечно!

К вечеру все друзья разъехались на каникулы, и Никки с Джерри остались за ужином одни. Когда Никки встречалась с Джерри взглядом, то между ними вновь и вновь проскакивала та же искра – у них была *тайна*, и она расцветала опаляющим цветком на их лицах.

Но потом они отводили глаза друг от друга – по велению древнего охранного инстинкта, который знал: тайне нужно время, чтобы вырасти, её нельзя торопить, на неё нельзя таращиться, она хрупка и уязвима, как птенец...

В гулком обеденном зале школьников осталось совсем немного. К столу Никки и Джерри вдруг подошла оживлённая Марина Блэуолл и громко заговорила:

– Можно присесть? – и стремительно хлопнулась на стул, не дожидаясь ответа. – Слушайте, поехали в Шрёдингер, а то в Школе делать уже совершенно нечего!

Услышав шумную речь Марины, к ним завернул проходивший мимо Смит Джигич:

– Эй, кто собирается в Шрёдингер, возьмите и меня!

И они договорились в ближайшие дни отправиться вчетвером в Шрёдингер.

Когда они остались за столом одни, Джерри покосился на Никки:

– По-моему, тебе не очень нравится Марина.

– Да, почему-то не очень... – сказала Никки.

Она потянулась за сахарницей, а он наклонился за упавшей ложкой. Их головы случайно сблизилась. Джерри сделал глубокий вдох и произнёс севшим голосом:

– Ты пахнешь, как трава, нагретая солнцем...

Никки улыбнулась и ласково взъерошила его длинные каштановые волосы.

Их тайна чуть-чуть подросла и окрепла.

– Знаешь, в последний свой день рождения на астроида, – сказала она, – я приготовила праздничный ужин, подняла бокал в свою честь и пожелала себе далёкого путешествия в сказочную страну и встречи с прекрасным заморским принцем. Через девять часов за мной прилетел крейсер, а ещё через несколько дней мы с тобой познакомились.

– Увы, я – не принц... – и Джерри слегка разочарованно откинулся на спинку стула.

– Да это же здорово! – воскликнула Никки. – Уж насмотрелась я на принцев-то!

Они засмеялись.

А Никки положила ему на плечо не меч, а длинный стебель цветка из настольной вазы и торжественно произнесла:

– Ты будешь моим пажом!

Она очень любила играть в принцессу и пажа. Ребёнок.

В один из последних дней старого года Никки, Джерри, Марина и Смит отправились вместе в Шрёдингер – единственный городок возле Колледжа, связанный со школой миниатюрным метро. Все служащие Школы Эйнштейна: повара, охранники, продавцы, парикмахер Луиза и многие преподаватели – жили в Шрёдингере и каждый день ездили в Колледж.

Неспешно проехав полутёмный тоннель на открытом экипажике, школьники попали на крохотную станцию подземки со стенами, разноцветно расписанными какими-то таинственными буквами и знаками. Пройдя маленький перрон, четверо друзей вышли в центр Шрёдингера, стилизованный под живописную площадь средневекового города с многочисленными магазинчиками, лавками и кафе.

На площади толпились люди, глазающие на праздничное шествие с барабанным грохотом и музыкой. Впереди шла группа девушек в очень коротких юбочках и ярких топиках. Они синхронно совершали сложные и вызывающие движения, потряхивая огромными пучками разноцветных верёвочек.

– Какие забавные мочалки! – воскликнула заинтересованно Никки.

Марина равнодушно пожала плечами и предложила зайти в кафе-мороженое и перекусить, как она выразилась, это нашествие. Все согласились, только Никки сказала, что придёт через несколько минут, – ведь она никогда не видела таких парадов – и попросила Джерри выбрать ей лучшее мороженое. Он кивнул и зашёл в кафе с остальными.

За пританцовывающими девушками шагал многолюдный оркестр из школьников в красной униформе и с огромными золотыми трубами. Оркестр не очень слаженно, зато громко дудел что-то бравурное, не знакомое Никки.

За оркестром шествовала группа парней, одетых в одинаковые светлые одежды. Они держали в руках какие-то палки и мячики и шли с очень гордым видом. Видимо, это были спортсмены, но Никки крайне редко смотрела спортивные передачи и не смогла определить, зачем нужны эти палки. Может, это какие-то бильярдные штуки?

Никки обернулась и увидела вокруг себя группу крепких ребят лет шестнадцати-семнадцати, смотрящих на процессию. Они были все как один мрачны и одеты во всё подчёркнуто тёмное. На голове они носили одинаковые чёрные платки, повязанные набок, как у пиратов.

– Что за палки несут люди в белых штанишках? – вежливо спросила она высокого парня, стоящего впереди группы.

Тот смерил её презрительным взглядом:

– Ты что – с Земли свалилась? Это же наша школьная команда по лунному бейсболу!

– Не видишь разве, – хмуро сказал ему другой, – это малявка из Колледжа, она издевается над нами...

– Ну что вы, – утешила их Никки, – я совсем не хотела вас обидеть...

Но лица парней оставались хмурыми.

– А вы из этой школы? – спросила вежливо Никки. – Наверное, тоже команда?

Разговора не получалось.

– А почему вы не идёте вместе с остальными, – которые с мочалками и дудками? – непосредственно поинтересовалась неугомонная и дружелюбная Никки.

– Так... – зловеще протянул самый здоровенный парень, предводитель команды в чёрных пиратских платках. – Девчонка относится к нашей банде «Лунные Волки» без должного уважения. Необходимо воспитательное воздействие.

Парни сгрудились возле намеченной жертвы и быстро оттеснили её в ближайший переулок к стенке здания. Двое ловко и привычно брызнули чем-то на полицейскую камеру на углу здания.

Главарь банды удовлетворённо подумал: «Сейчас мы потолкуем...»

– Да ладно, ребята, не обижайтесь, – примиряюще сказала девчонка, – я не знала, что вы не любите ходить с мочалками и барабанами.

Предводитель подошёл к ней.

– Мы – служители культа Силы! – гаркнул он, подводя нехитрый философский базис под планируемое воспитательное воздействие. Банда поддержала его тезис дружным рёвом. – Мы не учились в ваших колледжах! – снова рёв. – Плевали мы на ваши вонючие деньги и на ваши заумные книжки! – Рёв заглушил оркестр. – Богатенькие и умничающие малявки должны знать, что кроме ваших денег в мире правит наша Сила! Когда встречаешь Силу, ей надо вежливо кланяться, иначе придётся приносить кровавые жертвы! В Шрёдики наша банда самая крутая, и ты это навсегда запомнишь.

Предводитель экстатически наслаждался своим ораторским искусством.

– О Волопас, неужели опять плацебо компенсационной схемы? – непонятно и удивлённо пробормотала девчонка.

Вожак стаи размахнулся и ударил нахалку по лицу. Вернее, он хотел её ударить, но девчонка куда-то испарилась, и кулак с размаху врезался в очень твёрдую стену.

– А-а! – истошно заорал парень, тряся разбитой в кровь рукой.

– Ребята, – укоризненно сказала девчонка, – сохраняйте спокойствие, и никто не пострадает.

– Бейте эту мерзавку! – крикнул вождь, и вся банда набросилась на неё.

Возле стены мгновенно образовалось месиво из падающих тел, взлетающих кулаков и ныряющих вниз голов. Переулок огласили крики, звуки резких ударов и стоны. Предводитель, отскочив в сторону и придерживая повреждённую руку, жадно пытался рассмотреть детали наказания этой соплячки, но драка завязалась столь стремительная и объёмная, что он ничего не мог понять.

Видно было только, что схватка разгорелась не на шутку: Оборотень выпал из боя с разбитым носом, Койот уже лежал на асфальте, не шевелясь, а лучший боец стаи – Бульдог – заполз на четвереньках на газон и, кажется, стал есть траву. Прошло с полминуты, но исход битвы оставался непонятным.

– Да с кем это вы дерётесь? – завопил изумлённый Большой Волк.

Из кучи тел раздался неприятный хруст и отчаянный вопль.

– Загадка! Но, кажется, их захватил сам процесс... э-э... жертвоприношения, – иронично хмыкнул кто-то.

Предводитель резко повернулся и увидел странную девчонку – целую и невредимую, да ещё и издевающуюся! Он заревел и бросился на неё как разъярённый бык. Но выбранная им траектория загадочно искривилась, он налетел на своих волков, споткнулся и воткнулся головой в стенку.

Раздался сочный омерзительный звук раскалывающейся тыквы, но череп главного волка выдержал – он был крепче бетонной стены.

Меркнувшим сознанием вожак услышал приближающуюся полицейскую сирену и задумчивый голос девчонки:

– Какое удовольствие они нашли в этом культе силы? Я ещё могу понять, что они деньги не любят... Но почему они так гордятся своим невежеством?

Джерри, услышав сирену, выскочил в тревоге на улицу и с облегчением увидел Никки, подходившую к кафе.

– Ты где застряла? – озабоченно спросил он. – Твоё мороженое давно готово.

– Наблюдала за одним интересным религиозным обрядом, – беззаботно сказала Никки.

Джерри увидел, как из ближайшего переулка полицейские выводят хромающих окровавленных парней с руками в наручниках, а медики выносят одно за другим стонущие тела.

– Это не ты их побила? – спросил Джерри, глядя с подозрением на Маугли.

– Джерри, – заявила Никки тоном чопорной английской леди, – я никогда не начинаю драк. Да ещё на улице – фи!

Но, вообще говоря, это был весьма уклончивый ответ – в стиле Ниро Вульфа.

– Много ли в Шрёдингере школ? Сколько стоит обучение в таких школах? – Никки, лакомясь мороженым, успевала расспрашивать друзей.

– Здесь всего одна школа, – ответил Джерри, – и она бесплатная.

– Ух ты, здорово! – обрадовалась Никки за счастливых детей Шрёдингера.

– Ничего хорошего, – усмехнулся её наивности Джерри. – Большинство выпускников этой школы едва знают таблицу умножения, с трудом читают и пишут.

– Не может быть! – не поверила Никки.

– Так гласит официальная статистика, – поддержала Джерри Марина. – Образование в бесплатных публичных школах просто ерундовое.

– Но почему же их не учат всему остальному? – поражалась Никки.

– Невозможно ничему научить людей, которые не хотят учиться, – безапелляционно заявила Марина. – Формально им преподают те же предметы, что и нам, хотя и на совершенно другом уровне. Но из этого они мало что извлекают. Поэтому реальная основная задача подобных школ – социально адаптировать этих шалопаев, а вовсе не научить их высшей математике.

– Социально адаптировать? – нахмурилась Никки.

– Это означает, что выпускники должны без проблем вписаться в общество – послушно работать на низкооплачиваемой работе и не нарушать закон, – сказал саркастически Смит.

– Но ведь если они получают хорошее образование, то их заработки будут выше и жить они будут лучше, – не успокаивалась Никки.

– Очень трудно получить хорошее образование в школе, где большинство школьников не хочет учиться, а учителя издёрганы и ориентируются в преподавании на средний уровень учеников, который как раз не средний, а очень низкий, – отметил Смит. – Образование – типичная двухфазная система, состоящая из частных колледжей – очень дорогих и хороших, сравнимых с нашей Школой, где учится элита, и из отвратительных бесплатных школ для социальных низов. А плохое образование автоматически приводит к тому, что из этих низов выбраться очень трудно. Фактически возникла кастовая система...

– Пошли, дурацкое шествие закончилось, – скомандовала и встала из-за стола Марина.

Они погуляли по Шрёдингеру, зашли в его маленький чахлый парк с фонтаном посередине – никакого сравнения с колледжским парком или лесом, – побывали в шоколадной лавке, в местном супермаркете и прошлись по интереснейшим магазинчикам земных древностей и космических диковин.

Никки внимательно присматривалась к работающим в Шрёдингере людям, среди которых мелькало много недавних школьников, явно не из Колледжа. Эти подростки уже не собирались учиться дальше и устраивались официантами, продавцами и разносчиками.

В жилом квартале Никки пристально оглядела улицу небогатых двухэтажных домов, стиснутых друг с другом, как зерна в кукурузном початке, – в таких жилищах обитало большинство населения Шрёдингера.

Построенные из тонкого дешёвого пластика дома производили мрачноватое впечатление. Никки неприятно удивило и полное отсутствие деревьев на жилых улицах. Возле углового дома усталая женщина гуляла с ребёнком, одетым в полосатый комбинезончик, здорово напоминающий робу древнего каторжника.

– Для чего здесь эти люди? – спросила Никки у Робби. – Почему они не улетают на Землю? С их здешней работой легко справятся роботы.

– Ты ничего не понимаешь в лунной политике, – усмехнулся Робби. – У этих людей есть высокая миссия, о которой, впрочем, они не подозревают.

– Объясни толком, мудрец! – фыркнула Никки.

Робби не стал капризничать:

– Первыми поселенцами на Луне были герои – астронавты, инженеры и учёные. Они строили первые купола, закладывали оранжереи и монтировали установки для переработки лунного реголита, состоящего из оливина, плагиоклаза, клинопироксена, ильменита и даже металлического железа.

– Железа? – удивлённо воскликнула Марина.

– Да, чистого железа – редкой штуки на Земле с её окисляющей атмосферой, – подтвердил Робби. – Из реголита можно получить любое нужное количество и других металлов – алюминия, титана, магния – вопрос только в энергии. Но Луна оказалась богатой и на изотоп гелий-3 – идеальное топливо для термоядерных реакторов. Поэтому здесь возникла сеть мощных электростанций, и освоение Луны превратилось в прибыльное дело: дешёвая лунная энергия не только хлынула на Землю, но и преобразила жизнь космических поселенцев; автоматические установки по выплавке металлов и изготовлению бетонных плит из реголита обеспечили бурный рост городов и оранжерей. Жизнь на Луне стала дешевле, чем на Земле, – при сравнимом уровне комфорта. И это породило первый социальный кризис на Луне.

– Почему улучшение жизни вызвало кризис? – заинтересованно спросил Смит.

– Земные государства, особенно перенаселённые, стали поощрять лунную эмиграцию своих граждан. Это смягчало проблемы земной политики, а также расширяло присутствие этих государств на Луне. Ведь парламент Лунной Республики формируется с учётом национальной принадлежности жителей. Поэтому местные жители служат своей численностью интересам земных государств, гражданство которых они сохраняют.

– А из-за чего возник кризис? – уточнила внимательно слушающая Никки.

– Из-за отсутствия достаточного числа рабочих мест на Луне. А безработица – даже сытая, на хорошем пособии – порождает преступность, распространение наркотиков и волну насилия. И Лунной Республике пришлось заняться социальным обустройством бурно растущего населения. И теперь каждый житель имеет работу – потому что денежное пособие получают не безработные, а работодатели, которые принимают их на работу. Любую работу. Большая часть жителей лунных куполов не нужна на Луне, но ещё меньше они нужны на Земле.

– Как-то унижительно – делать работу, которую мог бы сделать кибер, – надулся Смит.

– Да, мы, роботы, можем делать почти всё без вас, людей, – заявил нахальный Робби. – Но до чего же скучен будет город, в котором живут одни киберы! Вы, люди, с одной стороны – просто крупные лягушки, а с другой стороны – так приятно непредсказуемы. Пусть вы будете – на всякий случай.

Марина хмыкнула и с опаской покосилась на Робби.

– Здесь, в Шрёдингере, любопытно, – сказала задумчиво Никки, когда они усаживались в тележку, – надо будет приехать сюда завтра или послезавтра.

Она обернулась и посмотрела на зачем-то разрисованные стены станции подземки. На стеклянных дверях перрона, сквозь которые ребята смогли пройти, только предъявив колледжские чипы-жетоны, сидела большая жёлтая пчела, и Никки показалось, что пчела смотрит на неё сквозь стекло. «Что она тут ест? – подумала Никки. – Здесь почти нет цветов...»

Джерри включил мотор тележки, и станция Шрёдингера съёжилась сначала в светлое пятно, а потом и совсем исчезла за плавным поворотом тоннеля.

Глава 3. Гибель Робби

Назавтра Никки и Джерри не смогли выбраться в Шрёдингер, отложили на следующий день, но и тогда всё застряло – Джерри не успевал сделать домашнюю контрольную по биологии.

В качестве полугодового теста им велели спроектировать беспозвоночное животное с геномом, отличным более чем на два процента от существующих организмов, с новым фенотипным признаком и с приемлемым индексом жизнеспособности.

Никки довольно быстро сдала тест, создав симпатичного жучка, но только не с шестью конечностями, как у всех насекомых, а с восемью – как у паукообразных, которые, как всем известно, не являются насекомыми. Передние конечности нового жучка напоминали не лапки, а маленькие крабьи клешни.

Джерри даже не мечтал о таких сложных беспозвоночных организмах, как летающие жуки с лапами, мозгами и глазами, – сторбившись перед экраном в своей комнате, он сфокусировался на червяках, беззубках и анемонах.

Увы, в результате неумелого генетического конструирования у него всё время получались безглазые унылые существа, которые, даже не глядя на себя, совершенно не хотели жить от горя, и компьютер беспощадно характеризовал Джерриных уродов нулевым индексом выживаемости.

Джерри находился в разгаре битвы за суперчервяка, и Никки решила одна съездить в Шрёдингер – в прошлую поездку она нашла магазинчик, где можно запастись новогодними подарками для Смита, Изабеллы, Большой Терезы, адвоката Дименса и для профессора Майсофт.

Она даже обрадовалась, что Джерри не едет. Ведь она хотела спокойно выбрать подарок к Новому году и для Джерри, к тому же седьмое января – его день рождения – уже не за горами, а как выбирать подарки, если ходить по магазинам вместе с Джерри? Никки полагала, что советоваться насчёт подарка с именинником нельзя – подарок всегда должен быть сюрпризом.

Она оделась потеплее – в прошлую поездку она слегка озябла на пещерном сквозняке – и отправилась к Главной башне. Спустившись в лифте на нижний уровень башни, где начинался тоннель в Шрёдингер, она забралась в первую тележку и нажала единственную имеющуюся кнопку – в этих экипажах вообще не устанавливалось ручного управления во избежание шалостей и случайностей.

Тележка дёрнулась и побежала по флуоресцирующей дорожке.

Две подземные мили укладывались в несколько минут неспешного хода тележки. Тоннель освещался слабо, и в нём тянул прохладный ветерок. Никки плотнее запахнула куртку и стала в свете редких ламп рассматривать стены подземелья.

В прошлый раз они ехали целой компанией, оживлённо болтали, и она не успела толком оглядеться. Тоннель был прокопан, вернее, проплавлен в лунной породе около двухсот лет назад и имел диаметр около пяти метров. Две узкие полосы дороги, разделённые невысоким барьером, были сейчас пусты.

Автоматическая тележка ехала вдоль чёрных оплавленных стен, в которых встречались какие-то дополнительные проходы, гроты и закрытые двери.

Никки вспомнились школьные слухи, что из этого тоннеля есть выходы в Запретные Пещеры, расположенные под Колледжем и закрытые наглухо более ста лет назад. Школьники завывающим шёпотом рассказывали друг другу о чудовищных мутантах, заселивших пещеры за прошедший век. Очевидно, это были классические школьные мифы-страшилки – вроде легенды о призраке Первого Ученика.

Тележка, на которой ехала Никки, вдруг сделала резкий поворот и ускорилась.

Никки нахмурилась – по прошлому путешествию она не помнила такого изгиба. Она оглянулась вокруг и заметила, что тоннель сузился, в нём исчезли лампы, и единственным источником света остались фары тележки.

Это так не понравилось Никки, что она решила выпрыгнуть с тележки, которая повезла её куда-то не туда.

Но не успела – тележка внезапно нырнула носом и помчалась вниз по каменному склону с такой скоростью, что Никки еле удержалась за поручни. Вместе с тележкой ухнуло и сердце Никки. Чёрт! Почему ей так везёт на приключения?

Через несколько секунд тележка выровнялась, и Никки, не теряя времени, немедленно спрыгнула с самовольного экипажа, мчавшегося куда-то в неизвестность.

Бросаться в темноту – наугад, на большой скорости – было очень страшно, и, прыгнув, Никки сразу пожалела о своём решении. Она с силой стукнулась о каменную стену, её отшвырнуло к другой стороне тоннеля, а потом – на пол, по которому она и покатила к кубарем, надеясь только на то, что Робби не разобьётся о камни, и стараясь оберегать его локтями.

Только метров через пятнадцать ей удалось остановиться. Впереди раздался сильный удар и треск.

Никки перевела дух. Отбитые локти, бока и колени дружно ныли и возмущались. Но переломов вроде не было.

– Робби, ты как? – с тревогой спросила она.

– Разбил главную видеокамеру и вдребезги продавил левый слуховой сенсор. Остальное цело. Ты уверена, что это была хорошая идея – прыгать на такой скорости?

– Сейчас посмотрим. – Никки с трудом встала на ноги и, держась за стенку, чтобы помочь кружащейся от падения голове, заковыляла вперёд, на звук удара. Робби подсвечивал дорогу маленьким фонариком.

Вскоре они нашли тележку, которая на полном ходу врезалась в толстый металлический столб, торчащий прямо из пола пещеры. Тележку разрезало почти пополам.

– Это была отличная идея – прыгнуть заранее! – с энтузиазмом согласился Робби. – Тут я глазом и ухом не отделался бы... Про тебя, мягкую биомассу, я уж и не говорю, твои части были бы развешаны по стенкам, как игрушки на ёлке. Смешно пошутил?

– Да, если бы не про меня... Робби, это случайность?

– Нет. Это было ещё одно покушение, Никки.

Никки обессиленно сползла по каменной стене на пол, пытаясь удержать в фокусе качающийся вокруг мир. Если бы тележка не налетела на столб, она разбилась бы двадцатью метрами далее, где дорога упиралась в оплавленный каменный монолит. Тоннель заканчивался глухим тупиком, лишь возле столба в боковой стене чернел узкий ход; ещё одно отверстие виднелось в самом конце пещеры.

Может, сейчас и мутанты полезут из этих дыр? Как далеко она уехала от основного тоннеля? Доберётся ли она туда – по крутому скользкому склону?

В пещере раздались неспешные шаги. Звук шёл оттуда, откуда они примчались на тележке.

– Робби, это – помощь?

– Увы, нет. С вероятностью полторы сигмы покушение ещё не закончилось, Никки.

– Зови охрану! – хрипло прошептала Никки.

– Не могу, пещера не пропускает радиоволны. Слишком далеко! – ответил с отчаянием обычно сдержанный Робби. Неужели дело так плохо?

– Выключи фонарь... Что это за дыры в стене? – спросила Никки, лихорадочно пытаясь найти путь к спасению.

Размеренные шаги неумолимо приближались.

– Не знаю, но эти шаги всё предусмотрели. Если они не спешат, значит, нам ни в какую дыру от них не спрятаться... – безнадежно ответил логичный Робби.

Никки с трудом встала и шагнула всё-таки к ближайшему ходу, но тут ей в глаза ударил яркий свет фонаря. Она загородилась левой ладонью и увидела не мутанта, а человека в зеркальном скафандре, стоящего метрах в десяти. Такой скафандр используется для работы с мощными лазерами при монтаже космических станций, чтобы уменьшить риск случайного поражения отражённым лазерным лучом.

Но зачем зеркальные доспехи в подземном тоннеле, где давно не ведётся никаких работ?

– Уберите свет и представьтесь! – заявила Никки самым уверенным и властным голосом, какой только смогла найти в своей коллекции книжных героев, но чувствовала она себя совсем не так уверенно и понимала, что ситуация не сулит ничего хорошего. Особенно тревожило одеяние незнакомца.

– Однако как выросла наша крошка. Как она научилась разговаривать.

Голос человека в зеркальном костюме был безжизненным и спокойным до ужаса. Этого человека уже нельзя было ничем удивить: он всё видел, всё знает и может лишь имитировать удивление при встрече с удивительным.

Ничто не может помешать его делам, потому что ничто ему не интересно.

В голосе человека чувствовался не известный Никки металлический акцент. Лицо в открытом шлеме скафандра Никки не могла рассмотреть, ослеплённая фонарём.

Никки подняла к лицу и правую руку – чтобы лучше закрыть свет фонаря; незнакомец сразу отреагировал и отрывисто приказал:

– Не дёргаться! Руки держать на виду. Я наслышан о твоих талантах.

Все сомнения в намерениях зеркального человека исчезли.

Это был убийца.

Холодное дыхание смерти подняло дыбом волосы на затылке и вызвало мощный выброс адреналина в кровь. Убийца знал её хорошо, причём давно – значит, он причастен к событиям десятилетней давности.

Никки уже нечего было терять.

– Что ж вы так непрофессионально обстреляли «Стрейнджер», что даже не смогли убить маленькую девочку? – наугад спросила она с максимально насмешливой интонацией, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал.

Зеркальный человек замер.

– Какая умненькая Никки. Ничего. Сейчас исправим оплошность.

Металлический акцент равнодушного голоса царапал напильником.

Убийца поднял правую руку, и Никки увидела наведённый прямо на неё боевой лазер. Левую блестящую перчатку человек стал поднимать к лицу, вероятно, чтобы опустить щиток шлема.

В этот момент Никки изо всех сил прыгнула в сторону разбитой тележки, надеясь найти за ней хоть какую-то защиту. Лицо она закрыла многострадальными локтями.

Реакция у незнакомца была отличная – он мгновенно выстрелил, и все вокруг осветилось мощным лазерным лучом.

В Никки ударила волна страшного жара. Она почувствовала, как тает и расплзается на ней одежда, прикипая к телу расплавленной пластмассой. Кожа на незащищённых местах стала гореть и обугливаться, и Никки закричала от дикой боли.

В следующее мгновение девочка нырнула головой вперёд в спасительную тень тележки – последний остров спасения в ослепительном лазерном сиянии, затопившем каменную пещеру.

Никки съёжилась обожжённым комочком за тележкой, хватая ртом горячий воздух, и слышала издевательский смех человека. Смех был тоже равнодушной имитацией, похожей на кашель, и звучал отчётливо – убийца так и не опустил щиток скафандра.

– Люблю запах барбекю, – сообщил зеркальный человек.

Вот почему этот садист поставил лазер на рассеянный луч – решил не разрезать, а поджарить...

«Что же делать? – лихорадочно соображала сквозь боль ожогов девочка. – Бросить в него чем-нибудь?» На том клочке тени, где она спряталась, не было ни камней, ни даже песка – одна гладкая оплавленная поверхность.

Тогда Никки попробовала выдрать что-нибудь из разбитой тележки. Ценой разодранных в кровь рук ей удалось оторвать пару кусков твёрдой, но, увы, лёгкой бамперной пластмассы – всё остальное было или слишком прочным, или залитым сиянием лазера. Может, это хотя бы отвлечёт его?

Человек в скафандре продолжал отрывисто кашлять-смеяться.

С-скотина!

Никки, преодолевая боль от ожогов, посмотрела на чёрное отверстие бокового хода в трёх метрах от неё и резко метнула оба куска пластмассы в потолок. Они стукнулись о свод пещеры и рикошетом ушли вниз – туда, где стоял зеркальный мерзавец. Раздалась вполне живая ругань, и луч лазера дёрнулся вверх.

Никки мгновенно прыгнула в темноту узкого пещерного хода. Но, прежде чем она попала в него, луч боевого лазера успел её снова стегнуть. Никки влетела в боковую пещеру, врезалась в каменную россыпь на полу и замерла в тисках пронзительной боли.

За доли секунды нового облучения плотная одежда на Никки превратилась в дымящиеся лохмотья с почерневшей и вопящей от боли кожей в прорехах комбинезона; левая рука, волосы и часть головы сильно обгорели; ткань рюкзака с Робби наполовину испарилась или расплзлась рыхлыми клочьями. На самом Робби тоже появились оплавленные места.

От новых ожогов муть в голове Никки стремительно разрослась, загородила собой почти всё вокруг... и вдруг отступила – это Робби резко повысил её болевой порог. Иначе Никки просто потеряла бы сознание в следующую секунду. «Я стала биороботом...» – с мрачным отчаянием подумала она.

– Никки. Ты решила поиграть. В детские пятнашки, – равнодушно сказал человек в зеркальных доспехах. – Что ж, с удовольствием. Давай побегаем. В последний раз.

Его шаги послышались совсем близко, и Никки сначала поползла в глубь пещеры, потом сумела встать на ноги и побрела, держась за стены узкого хода обеими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.